

2019

Исчезли анекдоты. Но расцвели мемы.

Исчезло правосудие. Но проснулось общество.

Уголтела пропаганда, но мы выключили телевизоры

ЮРАЯ
газета

ЮРАЯ газета

№ 145 (3010) 25.12.2019 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

....А ВЫКЛЮЧИТЬ НАС УЖЕ НЕ ПОЛУЧИТСЯ

Дмитрий БЫКОВ
«Новая»

ВАСИЛЬ ИВАНЫЧ, ПОПУГАЙ!

В 1999 году в Москве
исчезли жетоны на метро.
В 1992 году пропали
талоны на водку.

В 2019 году исчезли
анекдоты. Вспомните,
кто из вас рассказывал
своим близким то, над чем
можно вместе посмеяться.

Мы спросили писателя
Дмитрия Быкова,
куда делись анекдоты.

Памятник поручику Ржевскому. Скульптор Владимир Жбанов.

2019-й: прощание с анекдотом

Андрей Синявский — не только филолог, но и собиратель фольклора — полагал, что у России два главных вклада в культуру XX века: блатная песня и анекдот. Оба жанра представлены в искусстве других стран, но нигде — в таком количестве и качестве. Антология советских анекдотов работы Михаила Мельниченко занимает больше тысячи страниц и предсказуемо недоставаема. Можно сказать, что анекдоты рассказывало все население СССР, которое вообще умело говорить. Да и блатные песни пели все, включая несидевших, — их было даже больше, чем военных.

Сказать, что сейчас анекдот умер, не совсем корректно: он видоизменился. Лучший анекдот, который я слышал в уходящем году, хорош даже на фоне старых советских:

Петька приносит Василию Ивановичу попугая.

— *Василь Иванович! Попугай!*

Василий Иванович берет попугая, скручивает ему голову и печально говорит:

— *Ну попугал... Дальше что?*

Это очень смешно, особенно если правильно рассказывать; если живо изобразить Петьку, который с наивным восторгом преподносит попугая и произносит реплику с придыханием, с выупливанием глаз, потому что его в самом деле восхищает эта диковина. А Василий Иванович тоже не виноват, просто у него одна реакция на все новое и непонятное. Он может только попутать, причем радикально, скрутив голову, а больше ничего. Это очень похоже на нынешнюю Россию и вообще забавно той печальной забавностью, которая характерна для большинства удачных местных шуток.

Что до исчезновения политических анекдотов, вытесненных анекдотами онтологическими, т.е. абсурдистскими, — у меня была удобная гипотеза: анекдот обычно просовывает свое лезвие в щель между официальной риторикой и подлинной идеологией государства. Ну например: будет ли третья мировая война? Нет, но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется. Вышучивается агрессивная природа советской пропаганды, всегда замаскированная под голубиное миролюбие. Или: русский, американец и француз спорят, чья жена краше. Американец говорит, что, когда его девушка садится на лошадь, она достает ногами до земли, и это не потому, что такая низенькая лошадь, а потому, что такие длинные ноги. Француз может обнимать свою девушку и той

же рукой рулить, и не потому, что такая длинная рука, а потому, что такая тонкая талия. А русский, уходя на работу, шлепает жену по жопе, а когда возвращается — жопа еще дрожит. «И это не потому, — триумфально заканчивает он, — что такая большая жопа, а потому, что самый короткий рабочий день!»

Но сегодняшняя российская пропаганда немилороблива, а политика несоциальна; коммунистическая демагогия ушла, стесняться не принято, и зачем нам такой мир, в котором нет России?! Современная Россия не зря разрешила и даже включила в школьную программу Солженицына, потому что впервые в своей истории живет не по лжи: в ней нет никакого лицемерия. Пропаганда войны звучит по всем федеральным каналам, а то, что общество еще не скатилось к самому оголтелому фашизму, объясняется только его, общества, ленью. Анекдотом по советским меркам могли бы звучать любые заголовки на современном новостном сайте, только это был бы печальный анекдот. Россия не зря десять лет, на протяжении всех девяностых, сочиняла антиутопии: теперь она в них живет. Ресурс антиутопий, кстати — в отличие от ресурса революций, — мы действительно вычерпали. Нынче конкурировать с реальностью бессмысленно, потому что в реальности ставки выше: переизродить этого ирода не сможет никакой сатирик, и социальная сатира в самом деле сдохла. О ней даже писать скучно: в семидесятые ее и то было больше, хотя Рязанов в «Гараже» и утверждал, что ее нет. Нет ее сейчас, ибо сатира предполагает наличие социального идеала, а наше время поставило его под сомнение. Золотые слова Михаила Успенского о том, что нормальным состоянием человечества является фашизм (роман «Райская машина»), никогда еще не имели столь наглядных подтверждений. Германский фашизм еще мог порождать анекдоты, ибо хоть изредка лицемерил; современный фашизм на диво откровенен, он ни под кого не маскируется и откровенно гордится. Над чем смеяться? Над его зверствами? Так не смешно.

Со временем мне даже стало казаться, что исчезновение анекдота скорее положительный итог десятилетий. Рабский жанр, подхихикивание в кулак, выпуск пара. Да и вообще — сколько можно приспособливаться, выдавать конформизм за внутреннюю свободу, шипеть по кухням? Некоторые анекдоты — блистательные сатирические миниатюры, но эти шедевры не оправдывают сам модус, который ведет, увы, к вырождению. И все-то нам смешно. А на самом деле не смешно. Сейчас время пафоса. Такие мысли у меня периодически возникают поныне, хотя выглядят преждевременными. Но вместе с ними появляются и другие: анекдот не возникает сейчас именно потому, что рассказывать его негде и некому. Все-таки удачный анекдот — образец народного творчества, а народ творит не во всякое время. И тут возникает занятный вопрос: сочиняя книгу об Окуджаве, я всерьез задумывался о феномене новой народной песни — авторской. Она была не менее народной, чем «Степь да степь кругом», просто обозначила собой новое качество народа. Отсюда самый простой ответ на роковой вопрос о том, кого считать народом. Народом называется тот, кто пишет народные песни и вообще творит фольклор. Если сегодня авторская песня почти не существует, а от анекдота остались главным образом демотиваторы, среди которых преобладают несмешные, — не значит ли это, что народа как носителя национального самосознания у нас просто нет?

Всамом деле: большая часть российского населения в семидесятые-восемидесятые годы фрондировала, то есть была к власти настроена критично. Анекдот возникал в этой скептической среде так же естественно, как узоры плесени на стеклах теплицы. Сегодня в массах преобладает совсем другое ощущение: мы не такие, как все, да, но это потому, что мы лучше, особенней, нам не следует ни на кого равняться и отчитываться перед здравым смыслом, потому что здравый смысл не прав, а права наша особость. Все, что с нею не согласуется, — русофобия. Нам не подходят чужие рецепты, мы таковы, каковы есть, другими быть не можем, а потому нам ни к чему не надо стремиться. Мы достигли гомеостаза и можем в нем существовать бесконечно долго. Любое развитие в таком буддийском мирозерцании греховно и катастрофично; поневоле вспоминается Лимонов — «Мои друзья с обидой и жаром ругают несвятую эту власть, а я с индийским неким оттенком все думаю: а мне она чего?» Вспоминается и Хармс: «На замечание: «Вы написали с ошибкой» ответствуй: «Так всегда выглядит в моем написании». Сегодня фольклор, если бы он был, состоял бы не в иронии, а в восхвалении такого статуса, близкого к совершенству, ибо совершенством называют обычно не идеальный мир (его не бывает), а максимальное соответствие желаний возможностям. И в самом деле, если считать сегодняшним народным творчеством блоги,

преобладает в них другой народный жанр, а именно донос. Это тоже фольклор, между прочим, и в сочинении доносов российское население преуспело не менее, чем в изобретении анекдотов, причем то и то, если вдуматься, довольно смешно; просто в основе анекдота лежит самокритика, а в основе доноса — самодовольство, ощущение своей правоты на фоне чужой неправоты. Почитайте множество блогов, ведомых далеко не только платными троллями или кремлевскими пропагандистами, ознакомьтесь с гомерически смешными и столь же печальными записями (правильней было бы сказать — высерами), скажем, крымского блогера А. Горного, который даже фрондирует иногда — но, так сказать, справа (как гласил один из последних анекдотов, мы критикуем Путина не за то, что он слишком Путин, а за то, что он недостаточно Путин). Это и есть современный фольклор, порожденный новым, небывалым агрегатным состоянием народа — или, вернее, его глубочайшим кризисом, который обречен привести к новому расслоению. Вместе существовать в одной ценностной парадигме эти два народа вряд ли смогут, и количественное их соотношение — далеко не 86 к 14: на самом деле это примерно по 10 процентов оппозиционеров и лоялистов плюс 80 процентов инертной массы, которые никаким народом не являются и только ждут определенности.

Чтобы существовал анекдот, надо, чтобы было кому и для кого его рассказывать — то есть чтобы существовала, во-первых, среда, а во-вторых, достаточно культурный уровень рассказчика. Наивно думать, что все анекдоты выдумывались в ЦРУ или НТС: в них сквозит такое знание жизни, которого эмигрантам традиционно не доставало (вот почему большая часть эмигрантской литературы была поразительно наивна). Все это было творчество той самой образованщины, которая на самом деле была советской интеллигенцией, то есть людьми с высоким образованием, без способностей к политической борьбе, но с ясным пониманием тупиковости советского пути. Чтобы сочинить анекдот, нужно не только сознание неблагополучия, но и определенный культурный уровень, и то творческое состояние, которое как раз и возникает из сочетания безнадежности и надежды. Именно надеждой на перемены при всей безнадежности семидесятых вдохновлялись анекдоты — например, классический анекдот про ресторан: «Принесите кофе и газету «Правда». — «Газета «Правда» больше не выходит. — «Тогда водки и газету «Правда». — «Но она не выходит!» — «Прекрасно. Тогда борщ, котлету по-киевски и газету «Правда». — «Газета «Правда» не выходит, сколько можно повторять!» — «А вы повторяйте, повторяйте...»

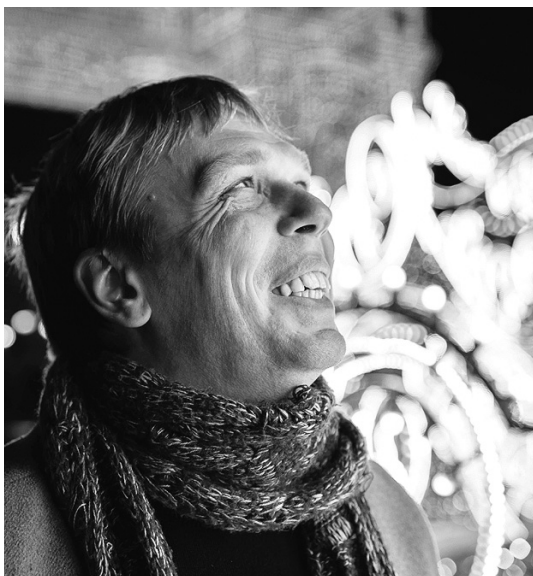
Наконец, анекдот является видом творчества, а творчество возможно не при всяких обстоятельствах. Об этом исчерпывающе высказалась Ахматова: «И вовсе я не пророчица, / Жизнь моя светла, как ручей, / А просто мне петь не хочется / Под звон тюремных ключей». Именно под этот звон, сколько ни затыкай уши, живет сегодняшняя Россия, и тут уж не так важно, сажают ли реальных коррупционеров, обычных чиновников, предназначенных на закланье, или оппонентов режима, которых спровоцировали специально обученные азефяты. Звон этих ключей был оглушителен в тридцатые — и анекдотов было сравнительно немного; он несколько приглух в семидесятые — относительно семидеСЫТЫЕ на фоне тридцатых, — и анекдот расцвел, как и авторская песня. Не всем хочется сочинять в такой обстановке; некоторые мои бывшие приятели, в том числе люди далеко не бездарные, пережили в 2014–2016 годах истинный творческий взлет, но такова уж, что поделать, их психофизика. Что поделать, для некоторых оптимальна именно кислотная среда, появились у нас и такие мутанты, но в массе своей люди мало способны к пению и остроумию на фоне всеобщего морального падения и упоения этим падением. В такой обстановке должны хорошо получаться сексуальные оргии, как в позднем Риме, — но с лирикой и сатирой дела обстоят средне. Собственно, и «Метаморфозы» Апулея, более известные как «Золотой осел», по сравнению с Катуллом очень так себе.

Наконец, чтобы рассказывать анекдоты, надо собираться вместе. Сегодняшнее же время больше располагает к уединению, ибо смотреть на людей сегодня стыдно. Кому-то, может быть, и не стыдно, но такие люди анекдотов не сочиняют. Жанры эпохи упадка — дневники и доносы — требуют тишины.

Иван Голунов, безусловно, журналист года. «Дело Голунова» войдет в учебники истории как пример беспрецедентной солидарности не только российских журналистов, но и обычных граждан против полицейского беспредела.

6 июня Голунов был задержан и избит в отделе полиции. В ходе обыска в его квартире полицейские «нашли» наркотики в особо крупном размере. Как только о задержании стало известно, у здания ГУВД Москвы начались круглосуточные пикеты с требованием освободить журналиста. Коллеги и друзья были уверены: наркотики подбросили, а Голунова заказали за его расследования о коррупции. Скандал набирал обороты. 10 июня ведущие газеты страны вышли с одинаковой первой полосой — Я/МЫ Иван Голунов. Широко стала обсуждаться 228-я статья УК и проблема фабрикаций дел путем подбрасывания полицейскими наркотиков. В итоге 11 июня министр МВД Колокольцев заявил, что дело Голунова прекращено «в связи с недоказанностью», а сам он стал свидетелем по делу «о покушении на сбыт наркотиков». Опера, задерживавшие журналиста, и несколько высокопоставленных полицейских были уволены. Только 18 декабря на пятерых сотрудников полиции было заведено уголовное дело. Факты подбрасывания наркотиков и избиения Голунова, о которых заявлял сам журналист, до сих пор остаются не расследованными. Также не назван и заказчик его дела.

Виктория ОДИССОНОВА — «Новая»

Виктория ОДИССОНОВА — «Новая»

ИВАН
ГОЛУНОВ:

Я

— **В** октябре вы были в Бразилии на фестивале журналистов, в ноябре в Берлине получали премию «Профессия — журналист», сейчас в Казани читаете лекцию о расследовательской журналистике. Вы много ездите в последние полгода?

— Да, в последнее время много езжу — спасибо УВД по ЗАО, которое устроило мне «гастрольный тур». Ситуация, созданная полицейскими, вызвала общественный интерес к давлению на свободу слова в России. Теперь меня просят: «Приезжайте к нам и расскажите о свободе слова в России, как работают журналисты в авторитарных странах». Я езжу и рассказываю, наверное, являюсь своего рода амбассадором.

Раньше я очень много путешествовал по России, но мало ездил за границу. Хотя одним из доказательств моей вины, по версии полиции, было то, что я «за всю жизнь 12 раз выезжал за границу» (вскоре после задержания Голунова «Россия 24» показала сюжет, в котором силовики рассказывали, что журналист «систематически посещает иностранные государства», из которых «может перемещать наркотики». — Прим. ред.). Им показалось это особенно важным. Вот только то, что 8 раз из них я ездил в Ригу, их не смутило. Они просто тогда не выяснили, что офис издания, где я работаю, находится в Риге.

— **Что сейчас происходит с расследованием вашего дела? В июне вы говорили, что дело «довольно быстро развивается».**

— И в конце августа мне тоже так казалось. Тогда состоялась последняя наша встреча со следователем, и он предложил: «Давайте в следующий раз допросимся по заказчику, через пару дней». И после этого я не

имею никакого контакта со следствием. Сначала они говорили: «Ой, давайте через недельку, у нас столько дел. Ой, давайте после выборов. Ой, ну давайте еще немножко подождем». А в последнее время они даже не берут трубку.

— **«Допросимся по заказчику» — это значит, что следователь хотел назвать имя заказчика?**

— Судя по разговору, да.

— **То есть оно им известно, и они его просто не говорят?**

— Да, следствие и оперативные работники говорили очень уверенно.

— **А вы жалобы пишете на ход следствия?**

— Я написал жалобу на бездействие и подал ее в Басманный суд. Суд ее рассматривал в течение нескольких заседаний, что довольно редкая ситуация. На первом заседании следователь заявил, что уголовное дело активно расследуется, расследование продлено, правда, не смог вспомнить, до какого числа оно продлено.

Судья попросила представить ей материалы дела. В ответ руководитель следственной группы засекретил мое дело.

Судья все же добилась материалов и смогла с ними ознакомиться, и на заседании 2 декабря отказала в удовлетворении моей жалобы — по ее мнению, расследование ведется активно и жалоба моя не обоснована.

Параллельно в ходе судебного процесса выяснилось, что факты применения насилия ко мне и факты фальсификации доказательств сотрудниками полиции, о которых я говорил в ходе допросов, о которых я говорил в СМИ, — эти факты, оказывается, следствию «не известны». Поэтому

ДОВЕДУ

(...это уголовное дело до конца)

— А свободное время вы как проводите? Ходите в кафе, кино, с друзьями встречаетесь?

— Нет. В основном свободное время я провожу... Ну вот последний раз я пытался сесть почитать книгу.

— Какую?

— По-моему, она называется «Сто открытий медицины». Какая-то такая, написанная легким языком. Там на полторы страницы рассказывается, как открыли пенициллин. Я пытался почитать, и мне пришло сообщение: «Когда же вы ответите, мы вам отправили письмо». Я спросил у человека email, с которого было отправлено это письмо. Нашел письмо, почитал. Немножко сошел с ума. Подумал, что здесь можно сделать и почему это пишут мне. На этом мое свободное время закончилось.

— Вы в своем телеграм-канале рассказывали, что за полгода вам пришло около 7000 сообщений — в том числе вот с такими просьбами о помощи. Кому-то же вы помогаете?

— Вы представляете, что такое 7000 писем? Вы представляете, какие истории там рассказываются и в каком объеме? Вы понимаете, что это невозможно даже прочитать? Если ты это читаешь, то тебе хочется в этом разобраться. В историях с наркотиками я пытался разобраться и понял, что мне сложно это сделать, мне не хватает специфических знаний. В каких-то историях, более простых для меня, связанных с экономическими преступлениями или рейдерскими захватами, я пытался разобраться и часто выяснял, что на самом деле история не выглядит так, как мне рассказывают ее авторы. Это один момент.

Второй момент: я журналист. Я занимаюсь расследованиями, которые касаются коррупции. Та ситуация, в которую я попал, — мне кажется, что она является оценкой качества моей работы, если герои моих расследований попытались решить «проблему» таким образом. Наверное, будет правильнее и честнее, если я продолжу заниматься тем, что у меня хорошо получается. Условно говоря, если бы эта история произошла не с журналистом, а с машинистом метро — он должен был бы бросить свои поезда и рассказывать всем истории про подбрасывание наркотиков? Наверное, нет. Почему-то многим кажется, что журналист как-то по-другому устроен — что у него не может быть никакой специализации, и он должен заниматься тем, что ему говорят люди.

Основная проблема, которая меня парализует, — все считают, что я что-то должен, и они знают, что именно я должен сделать. И все мне считают своим долгом об этом сообщить.

— Я вас об этом спросил, потому что после освобождения вы много говорили про то, что хотите оправдать доверие людей, которые вам оказали поддержку.

— Я думал, что оправдать доверие людей нужно тем, что я продолжу свою работу. Я не оправдаю доверие людей тем, что поменяю свою специализацию или поменяю свою профессию и стану правозащитником. Мне это внутренне не очень близко. И, собственно, я не думаю, что у меня это получится делать лучше, чем то, что я делаю сейчас.

— А на «московское дело» это тоже так проецируется? Вы не участвуете в поддержке политзаключенных.

— А почему я должен участвовать в поддержке политзаключенных?

— Ну это опять к вопросу про «оказанное доверие».

— А почему это «московское дело»? Почему не дело «Нового величия»? Почему не дело сестер Хачатурян? Почему это не тысячи людей по 228-й статье?

Меня в какой-то момент довольно сильно задело, когда меня начали тегать в фейсбуке и писать личные сообщения, типа: «Мы за тебя выходили. Надеюсь, ты не засышь прийти на суд к тому-то». И я вот тут немножко как бы прифигел. Во-первых, что вы знаете о моей жизни сейчас и могу ли я чисто физически прийти на этот суд? Авторой вопрос: а почему я должен прийти на этот суд, а не на суд в соседнем зале заседаний? У нас есть какой-то чек-лист рукопожатного человека? В истории «московского дела» есть «популярные» задержанные, есть не очень. И были ситуации, когда в одном суде рассматривались заседания разных фигурантов. И на одном заседании было много людей, а на другое заседание пришли только родители. Что это за модные тренды? Я не понимаю.

Возможно, если бы не было этого внешнего давления, может, я бы как-то вел себя по-другому. Мне написали несколько тысяч человек с настойчивыми

просьбами повлиять на их ситуацию, но у меня нет такого ресурса, я не готов, не разбираюсь в ситуации, штамповать вердикты, поэтому я просто фактически закрылся, чтобы прийти в себя. У меня сейчас есть важное дело, которое зависит только от меня, — добиться завершения расследования по фактам подброса мне наркотиков. Это важно, чтобы обезопасить людей от повторения подобных ситуаций.

Мне кажется, каждый сам для себя должен решать, что он делает, к каким историям он подключается эмоционально. А тут происходит какое-то навязывание: «Ты обязан». Кому? Чему? Почему? Непонятно.

— Ну а если бы у вас была физическая возможность — вы бы пошли?

— Не знаю, мне всегда хочется совершать какие-то действия, чтобы был какой-то у них результат. Когда я что-то хочу совершить, я спрашиваю себя — чтобы что? Если бы я нашел ответ на этот вопрос, если бы я понял, что вот я приду и это сильно поддержит человека, я бы это сделал. А для какой-то массовки или чтобы стать милым, рукопожатным человеком и получить новых 25 лайков, не стал бы.

— Несмотря на резонанс вокруг вашего дела, с 228-й статьей ничего в итоге так и не сделано. Значит, истории с подбрасыванием наркотиков по-прежнему остаются актуальны. Можно как-то избежать такой ситуации? И что делать, если уже в нее попал?

— Я сейчас буду выступать, как люди, которые приходят ко мне с советами, что нужно делать. Все мы сильны задним умом. Нет никаких уникальных советов, которые позволяют не попасть в данную ситуацию. Наверное, по-дурацки можно сказать: «Делай что должен, и будь что будет».

Да, у меня теперь появились какие-то там меры диджитальной безопасности: двойная идентификация, экстренное отключение Touch ID, Face ID (механизмы разблокировки айфона при помощи отпечатка пальца или сканирования лица владельца смартфона. — Ред.). Но я понимаю, что, если кто-то захочет получить доступ к моему телефону, он это сделает. Можно начинать сходить с ума по каким-то мерам безопасности, с одной стороны, а с другой стороны, понятно, что, если кому-то что-то будет нужно, это произойдет. Если кто-то захочет подбросить мне наркотик и подловить меня, то это случится, но дальше ситуация может развиваться, как мы знаем, совершенно фантастическим, непредсказуемым образом. И это не зависит от меня.

Не так давно я выступал на какой-то конференции, рассказывал об этой всей истории, и какая-то журналистка из региона задала вопрос: «Тогда о вашей ситуации все говорили, а мои подруги репостили сообщения в социальных сетях. Скажите, сколько стоила эта кампания, какой у нее CTR?» (Click-through rate, метрика в интернет-маркетинге, определяемая как отношение числа кликов на рекламное объявление к числу показов. — Ред.)

И я такой думаю: «Че?» Я не очень понял, что ответить ей. Ответил грубовато, что нужно спросить у подруги, сколько она получила за перепост. Это дико странно, как моя ситуация воспринимается, как трактуется другими людьми.

— А вы внутри из-за всего произошедшего поменялись?

— Я стал, наверное, более нервным. Потому что, когда у тебя температура, ты выпил жаропонижающее и лег спать, а тебе кто-то пытается сообщить «экстренно важное про коррупцию в Крыму», — ты такой: «Господи, что это?»

Я начинаю нервничать, писать нервные сообщения в телеграм-канал с просьбами избавить меня от всего этого. Главное, что я могу сделать, что я обязан сделать, — довести свое дело до конца, чтобы оно не стало висяком. Единственный плюс — сейчас люди, недовольные работой какого-то журналиста, вряд ли ему что-нибудь подкинут. Они явно подумают: а вдруг будет такая же ситуация, как с Голуновым? Но в то же время они увидят, что ни заказчики, ни исполнители не наказаны, значит, все-таки можно подкидывать. И моя задача, чтобы справедливость полностью восстановилась, — нужно довести эту историю до конца.

— Как вы будете справлять Новый год?

— Еще не думал, скорее всего, в кругу семьи, уехать куда-то не получится, потому что и так был вынужден проводить много времени за границей, а мои доходы никак не изменились после всей этой ситуации.

Беседовал **Артем РАСПОПОВ**, «Новая»

мое сообщение о преступлении вообще не было зарегистрировано в полиции. Мне это показалось очень странным. И в середине декабря я написал заявление о преступлении в ФСБ. Надеюсь, что там более внимательно относятся к заявлениям граждан.

(Когда интервью уже готовилось к публикации, СКР все-таки возбудил уголовное дело по факту нарушений, допущенных при задержании Голунова. — Ред.)

— У себя в телеграм-канале вы писали, что «за полгода следствие ни разу не было на месте преступления» — в вашей квартире, где во время обыска нашли наркотики. И вы «полгода живете как в музее-квартире». Объясните?

— Следователи планировали провести следственные действия в квартире еще в самом начале, но потом сказали: «Ой, мы посмотрели программу Собчак. Наконец-то мы поняли, как это все было, как, собственно, все устроено в квартире». (После освобождения Голунова Собчак взяла у него интервью в квартире, в ходе которого Иван реконструировал события обыска в день задержания — Ред.). Потом дело передали в Следственный комитет, и они все говорили: «Щас мы придем, проведем следственные действия, поэтому вы там ничего не трогайте». Я старался ничего не трогать. Они так и не пришли. Может, их тоже устроила программа Собчак? Но это странно. Отчасти на этом основано мое ощущение, что следствие не особо активно куда-то движется.

— Трудно жить в «музее-квартире»?

— Вы за полгода что-нибудь меняли в своей квартире? Наверное, да. А я — нет. Непросто так жить. Особенно если порой вспоминать все произошедшее — это тоже как-то не очень позитивно влияет на мысли и настроения.

Осужденный на два года фигурант первой волны «московского дела» Данил Беглец уже месяц сидит в колонии в поселке Поназырево Костромской области. Когда в августе его арестовали, дочке Алисе было всего два месяца. А сегодня у нее уже режутся первые зубы, и она повторяет свое первое слово — «папа». Потому что про папу постоянно рассказывает двухгодовалый Алеша, который часами сидит с сестрой. Алеша как будто звонит ему по домофону у входной двери, рисует, печатает на компьютере, как говорит жена Беглеца Диана, «на своем языке» письма, а вот Деду Морозу писать отказывается. Говорит «он не нужен, нужен папа». Впереди у Данила Беглеца — кассация.

«На каждого мужчину показывает, спрашивает: папа?»

Черноволосый мальчик, широко улыбаясь, встает на мягкую табуретку у входной двери и протягивает к уху трубку от домофона на длинном проводе. Пальчиком водит по полке рядом и «угукает» в трубку, требует: «Дядя, папу верни».

— Иногда истерика у Леши. Говорит, что папа его не любит, потому что не разговаривает с ним, в сад за ним не приходит. Говорит, не надо папе больше работать, надо ему домой. Мне его жалко, — Диана, как и в прошлый раз нашей встречи, прижимает к себе сестру Леши — младенца Алису, теперь уже внимательно разглядывающую нас. — Я когда его из сада забираю, он на каждого мужчину мне показывает, спрашивает: папа?

Красавица Алиса (в семье ее еще зовут «Бусинкой» за круглые черные глазки) во время нашего разговора пробует «включиться в беседу»: смеется и даже пробует что-то лепетать. «Моя мама была рядом, когда она сказала первое свое слово не «мама», а вдруг «папа», — Диана объясняет это тем, что Алиса почти всегда после детского сада Леши ложится с ним рядом и слушает все, что он ей рассказывает. А Алеша каждый день про папу говорит. На Новый год писал ему письмо «своим языком» — Диане рассказал, что попросил «коконю» (это киндер-сюрприз) и что-то еще (это секрет), «только папе будет известно», — улыбается Диана.

«Я просто хочу его вытащить»

Кухонный стол весь в бумагах с пометками, сделанными от руки, на что можно обратить внимание при кассации: наличие маленьких детей, возмещение морального вреда пострадавшему [рогвардейцу], признание вины. Диана очень сильно надеется на очередную стадию обжалования приговора. От бессилия и отказа адвокатов даже сама пыталась сформулировать жалобу: что он не направлялся на митинг, хотел помочь человеку, деньги в качестве возмещения морального вреда потерпевшему перевел... Она отсидела очередь в приемную президента, а там ожидаемо ответили, что президент «не имеет права вмешиваться в дела суда». Когда Диана едет куда-то на машине, она берет с собой пачку специально заказанных стикеров и наклеек «Свободу Данилу Беглецу», останавливается у дорожных знаков на улице, столбов, стендов, расклеивает их.

— Мне пишут: уже достала, постоянно пишет об этом Беглеце, хватит уже о нем писать. — Диана пересказывает, как в социальных сетях реагируют на ее почти ежедневные публикации о муже. — Но мне фиолетово, что пишут. Я просто хочу его вытащить.

У Данила с самого начала была сложная ситуация с адвокатами. С того момента, как знакомые защитники посоветовали ему признать вину и взять особый порядок рассмотрения дела (что предпола-

Диана с Бусинкой

Виктория ОДИССОНОВА — «Новая»

АЛИСА, АЛЕША, ДИАНА

Новый год в семье Беглеца

Данил с сыном

Фото из семейного архива

Номер карты «Сбербанка»

жены Данила Беглеца Дианы:

4276 4000 6613 8539 (Диана Николаевна Д.).

Написать Данилу Беглецу **письмо** можно через ФСИН-письмо или «РосУзник»:

Беглец Данил Юрьевич, 1992 г.р.,

ИК-2 Костромской области, д. Поназырево.

гает отказ от исследования доказательств в суде). Беглец быстро понял, что совершил ошибку, потому что просто доверился знакомым людям. Из-за особого порядка во время апелляции можно было говорить только о его личных характеристиках, а то, что он встречался в центре с коллегой по работе и не участвовал в митинге, уже никого не интересовало. После отклоненной апелляции многие юристы отказывали Диане брать дело мужа — сам все подписал и признал: «Он спрашивает, когда хоть кто-то напишет кассацию, но я же не смогу ему сказать, что от него отказались. Не смогу сказать, что нам сказали ждать УДО, а обжаловать дальше якобы бессмысленно — мне совесть не позволит».

Сейчас стало известно, что в дело Беглеца вступил адвокат «Агоры» Леонид Соловьев. Он защищал Егора Жукова.

Письма из поселка Поназырево

Данил попал в одну колонию с другим фигурантом «московского дела» Владиславом Синицей, осужденным на 5 лет за твит. На условия содержания Данил не жалуется, потому что он просто человек такой, поясняет Диана, не привык жаловаться. Поназырево — отдаленный от Костромы поселок с населением всего четыре тысячи человек. Диане нужно было сделать передачу мужу — он заболел, нужны были лекарства. Написала пост в фейсбуке с просьбой кого-то откликнуться. И помощь нашлась быстро: ей посоветовали отца Василия из церкви на территории колонии.

Теперь Данил ходит петь в церковно-приходскую школу, занимается русским языком, который раньше учил в школе в Молдове. «Папа у нас получил пятерку, четверку, но вот по русскому получил тройку, да, Бусинка? — Диана шепчет на ушко дочке и улыбается. — Но ничего, тройка тоже хорошая оценка!»

Данилу присылают много писем, но долгое время от него не приходило ответов. Оказалось, что в колонии не выдавали бланки для ответного письма. Диана догадалась, в чем может быть дело, и написала в письме мужу, что «Новая» готовит запрос во ФСИН по этому поводу. Бланки выдали «молниеносно», а с ними отдали и не переданные в срок открытки. И не только Данилу, но и Владиславу Синице.

Диана рассказала, что Данил хотел прислать к Новому году рисунок и письмо в нашу редакцию. Мы написали ему и очень ждем ответа.

— Я очень верю в общественное мнение, очень верю в то, что если придет много людей... — Диана останавливается, переводит дыхание. — Мы с детьми очень надеемся на кассацию и будем молить Бога каждый день вернуть нам родного человека домой — живым и здоровым.

Татьяна ВАСИЛЬЧУК, «Новая»

После приговора. Постскриптум к делу Котова, одному из самых громких дел года

«ВЕРНИТЕ КОСТЮ АНЕ!»

Написать Котову можно по адресу:

Владимирская область, 601122, Петушинский район, г. Покров, ул. Франца Штольверка, д. 6. ФКУ ИК-2 УФСИН.

Котову Константину Александровичу, 1985 г.р.

Сразу после недавней пресс-конференции Путина журналист «Дождя» совершил маленький подвиг — прорвался к президенту с вопросом о Константине Котове, активисте, который в сентябре получил четыре года колонии и уже отбывает срок. Он не кидал стаканчики в полицейских, не писал злые твиты, просто выходил на улицу, когда считал нужным. На тех основаниях, что посадили Котова, можно посадить пол-Москвы. «Я посмотрю, я запомнил, Котов», — ответил Путин. Мы тоже запомнили.

Ушлые люди уверены, что у нас ни за что не сажают. Уже даже придумали анекдот. Встречает Котов Синицу и спрашивает: «Тебя за что посадили на пять лет? — Ни за что. — Врешь, ни за что четыре дают». Есть другой анекдот на ту же тему, про ревнивого мужа: знал бы за что — убил бы.

Он сидит в ИК-2 в Покрове, это недалеко от Москвы, по дороге в Петушки, куда так и не доехал Веничка. Сидит жестко, непросто. Зона эта считается не просто красной, а суперкрасной; папа Котова, Александр Николаевич, который ездил туда, говорит, что Костя сильно похудел, выглядит расстроенным. Адвокат Мария Эйсмонт подтверждает: «На него не оказывают физического воздействия, но муштрой и постоянными унижениями можно и без физического воздействия сделать жизнь человека невыносимой».

— Письма доходят ему?

— Доходят, хотя и довольно медленно. Но у него нет времени отвечать. Пришло более 50 писем, а ответить он смог всего на три. У него всего час свободного времени в сутки. Но писать все равно стоит. Важен сам факт, письма очень его поддерживают.

— Вы с ним видите?

— Да, но каждый раз жду 3–5 часов, чтобы попасть в ИК. В комнате для свиданий с адвокатом между нами стекло, в котором нет прорези. Как работать с документами, непонятно. Ни я ему не могу передать бумаги, ни он мне.

И еще об унижении. Александр Николаевич в разговоре упомянул вроде бы незначительную деталь, но она поражает. Если после бритья на лице Кости осталась хоть пара волосков, его добривают. Колония контролирует волоски на лице.

После ареста Кости его родители-пенсионеры остались без кормильца, он единственный сын. Мать постоянно болеет, лежит с давлением. Можно, конечно, сказать, что это возраст, но нет, это стресс, это после того, как забрали Костю.

В фейсбуке у Юли Виноградовой аватарка с надписью «Котовы не сдаются!». Юля — мать Ани Павликовой, фигурантки «Нового величия». А с этого ок-

тября — теща Кости. Хорошо начинается семейная жизнь: муж в колонии, жена под домашним арестом в ожидании приговора. Скоро Новый год, спрашиваю у Юли, что подарить. Она говорит: «А можно сделать так, чтоб Костю вернули Ане?»

— Дома все напоминает о нем. Утром пьем кофе — стоит Костин капучинатор. Аня рисует на планшете — планшет подарил ей Костя. Она безумно переживает, что ей дадут срок, потому что тогда она не сможет навещать Костю. Она и сейчас не может, но можно хотя бы письма писать. Ты не знаешь, из колонии в колонию писать можно?

Юля тоже ездила в Покров к Косте.

— Это было настолько тяжело, я не могу тебе передать. Мы разговаривали, по-

том его позвали, и он вышел, знаешь как? Руки за спину, нагнув голову. Сам! Как это может быть? Что там с ним вытворяют?

— Что он рассказывает?

— Что есть проблемы, серьезные. Какие, говорить отказался. Пока он сидел в СИЗО, мы обсуждали новости, говорили о том, что происходит на воле. А теперь я чувствую, что у него голова занята только одним — как выжить в этих условиях. Его хотят сломать, его специально именно в эту колонию посадили. Я не знаю, что делать, я только знаю, что он не должен там находиться.

Тем временем продолжаются суды по «Новому величию». Ане несколько раз становилось плохо прямо на заседании. И из дома тоже ее увозила скорая. Врач сказал: обострение гастродуоденита на фоне переживаний. Но как сделать, чтобы она не переживала? Вернуть Ане Костю. «Я посмотрю, я запомнил — Котов»...

Две недели назад Юля с другими матерями политзаключенных вышла в пикет к Кремлю. Четверых забрали, был суд, и теперь государство станет за их счет на сорок тысяч богаче. Защищать своих детей стоит денег. Так вот, Юлю должен был судить судья Минин. Тот самый, который вынес приговор Котову, вот эти четыре года. Она пришла в суд с утра. На самом деле могла и не ходить, такие дела рассматривают и заочно. Пришла только ради того, чтобы сказать Минину, что она о нем думает. Целую речь приговорила. Хотела сказать, в какой ужас он вверг их семью, хотела все объяснить. Ждала весь день. Уже к вечеру, когда стало темнеть, ей сказали, что судью заменили.

Каждую пятницу в Москве проходят метропикеты. Люди выходят к метро с плакатами, требуют освободить политзаключенных. Юля тоже выходит. Сначала на ее плакате была фотография Ани. Потом Кости. И она поднимала то один, то второй плакат. А потом сделала общий — с двумя фотографиями. Пусть они хотя бы так будут вместе.

Ян ШЕНКМАН, «Новая»
Фото Влада ДОКШИНА, «Новая»

«ЛА-ПЫТ-НАН-ГИ»

Олег Сенцов — о тюрьме и воле

В этом году 7 сентября произошло важное событие года — обмен 35 на 35. Украинская и российская стороны обменялись пленными и осужденными. Среди тех, кого помиловал президент России, — украинский режиссер Олег Сенцов, осужденный на 20 лет по дикому фальшивому обвинению в терроризме. Пять лет Сенцов провел в ИК-8 в городе Лабытнанги, что в Ямало-Ненецком автономном округе, на полярном круге.

Специально для этого номера «Новой» Олег Сенцов передал свои впечатления о российской тюрьме. В следующем году выйдет в свет книга тюремных рассказов Олега Сенцова и дневник 145 дней голодовки, сейчас издания готовятся к печати.

зона Сенцова

Все тюрьмы похожи друг на друга, как скорбные родственники. Но это лишь внешне, внутренним укладом они отличаются: есть места, где получше, есть — где похуже, а есть такие, где полный мрак. Увидеть и понять эти отличия человеку снаружи, не из системы, очень трудно. Когда в тюрьму или колонию приезжает комиссия с проверкой, то в учреждении все чинно и аккуратно, заключенные ни на что не жалуются, администрация вежлива, проверяющие довольны. Реальная тюремная жизнь на время комиссии законопачивается и залакировывается. Когда комиссия уезжает, то все возвращается на круги своя, иногда на свои круги ада.

Труднопроизносимое название маленького городка у полярного круга для простых людей не скажет ничего. Для эков, наоборот, очень многое. Лабытнанги, или в простонародье Лабытки, люди сидящие знают почти все, как и не менее печального его соседа — поселок Харп, «Полярную сову». Создававшиеся в 60-е годы прошлого века как ломочные лагеря в тяжелых природных условиях Крайнего Севера, они остались таковыми по сей день. Их цель — не исправлять людей, не привлекать заключенных к труду (кроме как убирать снег восемь месяцев в году, тут заняться нечем), а превращать их в стадо послушных скотов. И эта задача успешно выполняется вот уже в течение многих лет с большим успехом. В принципе, любое пенитенциарное заведение в России создается именно для того, чтобы ломать и уничтожать, перемалывать человеческие тела и судьбы. Просто где-то этот вопрос решается более буднично

и рутинно, а где-то он поставлен на поток и возведен в немислимую извращенную степень.

Здесь еще с порога тебе дают понять, что ты попал в чистилище, где у тебя нет никаких прав, а жаловаться бесполезно и некому. Прибывших этапом людей бьют нещадно лишь за то, что они существуют, — это так называемая приемка, обязательная процедура, практически ритуал. Тут же приучают тебя обращаться к сотрудникам администрации исключительно «гражданин начальник» и спрашивать разрешения на совершение любого действия, в том числе и для того, чтобы пройти мимо человека в погонах: «Разрешите пройти, гражданин начальник». Здороваться заключенные должны громко и хором, причем неважно, сколько раз ты в этот день уже приветствовал этого сотрудника, обязательно четкое и дружное: «Здравствуйте, гражданин начальник». После «приемки» тебе тут же предложат сотрудничество с администрацией, объяснив, что тут нет «мужиков», а лишь «красные» да «петухи», и тебе лишь надо выбрать, к кому ты пойдешь. Если же ты предпочтешь свой вариант остаться порядочным арестантом, то тебе с помощью прикладных инструментов объяснят, что ты не прав. Большая половина из вновь прибывших еще в карантине бежит в «красные», остальные пытаются крепиться. С теми, кого на горячую сломать не удалось, работают уже вплотную, применяя психологическое и физическое давление практически на протяжении всего срока.

Пока ты находишься в карантине две недели, тебя регулярно прессуют. Заучивание правил внутреннего распорядка, распевание патриотических песен и гимна Российской Федерации, хождение строем, чеканя шаг, — обязательные элементы этой начальной программы перевоспитания. Отрицать этот маразм, не соглашаться сотрудничать и подписывать необходимые бумаги отбиваются немногие, но для них существуют отдельные процедуры, проводимые на так называемой «Петровке». Это небольшое отдельное здание с двумя камерами и тремя кабинетами оперативных сотрудников. Тут с непокорными поступают особенно жестоко, как говорится, «опера вату не катают». Побой, унижения, электрошокеры, содержание в холодной камере голым или в мокрой робе еще не самое страшное, что с тобой может произойти.

Тебя могут на сутки закрутить в матрац и бросить как куклу валяться на полу или еще хуже — заколотить в позе эмбриона в железный ящик наподобие сейфа, где практически нечем дышать и приходится мочиться под себя, потому что перерыва на туалет и обед в этих аттракционах не предусматривается

Угрозы изнасиловать, «опустить», наоборот, являются при этом неизменным сопровождением издевательств.

Способ борьбы эка против подобных пыток один — вскрываться. Лезвием, куском стекла или железа, зубами. Резать, рвать себе вены, чтобы очутиться в тюремной больничке, где можно немного продохнуть от подобного кошмара. Но, «поднявшись» в лагерь после подобной прожарки, злключения арестанта не заканчиваются. Ты попадаешь в своеобразный зомбиленд, где все официальные правила строго соблюдаются с маразматической и извращенной пунктуальностью, а кроме них существует еще куча своих, местных наворотов, которые придумала дражайшая администрация. Воевать с этой системой смельчаков находится мало, и если они не примиряются, то их ломают или подставят, замарают грязью, действуя руками других эков. Особо стойких пакуют на «ешку» — ЕПКТ, находящуюся в соседних Харпах, где располагается следующий круг преисподней.

Страдающий весь свой срок «мужик» видит, как тут же рядом «летят» завхозы и их многочисленные прихвостни, так называемые «козлы», которых не трогают, не бьют и не унижают. Которые, продав свою совесть за чуть более сладкую жизнь, работают на администрацию колонии, помогая наворачивать режим другим заключенным. И многие не выдерживают, сдаются и уходят в «красные», где полегче,

потеплее и есть шанс пораньше освободиться по УДО. Работающая внутри лагеря смена в десять сотрудников не в состоянии удержать пятисот эков в подобной рабской покорности, поэтому создана система, в которой половина арестантов сотрудничает с администрацией явно или тайно, помогая поддерживать подобный режим, атмосферу страха и недоверия. Ты не можешь ничего сделать или сказать то, о чем не будет доложено сотрудникам. Каждый «козел» в течение дня ведет свой маленький список — «точковку», в который он заносит все нарушения, все увиденное или услышанное, всю полезную для оперов информацию о других осужденных, в том числе и на подобных ему стукачей. В конце

Во время голодовки, 2018 г.

дня завхоз собирает все эти бумажки в кучу, формируя общий отчет с барака, и с утра сдает его оперативникам, которые все это обрабатывают и принимают соответствующие меры. И вот кого-то уже повели на экзекуцию в здание «Петровки».

Среди «красных» существует жесткая внутренняя конкуренция — все они пытаются выслужиться не только перед администрацией, но и перед своим завхозом, чтобы подвинуться вверх по местной иерархической лестнице, строя интриги друг против друга, затаскивая в эти схемы и сотрудников, и других заключенных. Не все могут быть такими расторопными или циничными, поэтому система постоянно откалибровывает нужных ей людишек и выкидывает неподходящих. Этот отработанный человеческий материал именуют «шерстью» или «чесоткой», с которой не хотят иметь отношения ни сами «красные», ни тем более «мужики».

Завхозы со своими ближайшими подручными занимают не только мелким вымогательством среди других заключенных после получения передачи или отоварки в магазине, есть схемы и покрупнее. Не без участия оперов и завербованных агентов из общей массы создаются невыносимые условия или мутится подстава против денежной жертвы, которая под угрозой попадания в «петушатник» начинает платить. Иногда это разовая акция, а когда и регулярная. И не факт, что у такого «кабанчика» реально есть на воле деньги, тогда он начинает звонить домой, умолять, и где-то продаются машины или берутся кредиты.

Глобальная атмосфера беззакония, недоверия, насилия и страха в рамках одного лагеря, огражденного запертой, как модель маленького тоталитарного государства. Кафка и Оруэлл в одном флаконе. Существовать в ней, оставаясь человеком, очень трудно. Она делает все, превращая тебя в послушного раба, зомби, животное, которое будет готово грызть своих сородичей ради того, чтобы сделать свою жизнь полегче, а на все вопросы проверяющих — отвечающее: «Жалоб нет, гражданин начальник!» Потому что комиссия уедет, а «Петровка» останется.

Можно до бесконечности описывать тюремные ужасы, пытки и унижения. Можно еще раз перечислять все те гиблые места российской пенитенциарной системы, которые знают уже наизусть те, кто занимается этой темой. Можно слать сотни проверок ангажированных уполномоченных по правам человека, которые на самом деле являются уполномоченными по правам администрации или так называемых комиссий общественников, состоящих в основном из бывших сотрудников, которые не обнаружат никаких нарушений. Это не изменит ничего. Любая тюрьма — это лишь отражение общества, которое ее создает. Страна, стоящая в двух шагах от превращения в тоталитарное государство, не в состоянии иметь другие тюрьмы. Можно стереть Лабытнанги с лица земли, но этот фурункул вылезет в другом месте, ибо это государство больно изнутри.

Олег СЕНЦОВ —
специально для «Новой»

Елена КОСТЮЧЕНКО

«Новая»
Фото автора

Над небоскребами висит жара и влага. Воздух густой, плотно обнимает тело. Каждый вдох как глоток. Заканчивается сезон дождей. Седьмой месяц, или 26-ю неделю, Гонконг бунтует. Все началось с проекта закона об экстрадиции. Новый закон позволял высылать осужденных и подозреваемых в страны, с которыми раньше отсутствовал договор о выдаче. В том числе — в материковый Китай. В Гонконге уже два века находят спасение десятки тысяч китайских диссидентов и беженцев. Против законопроекта выступили профессиональные сообщества юристов, а также бизнес-истеблишмент, который привык себя чувствовать реальной властью в Гонконге. Но было очевидно, что за законом стоит большая сила, чем деньги. Законодательное собрание Гонконга начало рассматривать законопроект, ни на уступки, ни на переговоры власть не шла. Гонконгцы вышли на улицы. Массовые демонстрации на пике набрали 2 миллиона — больше четверти населения островов.

Росла жестокость полиции, росли и требования протестующих. Сейчас требований пять. Кроме отклонения законопроекта, протестующие требуют от властей независимого расследования полицейской жестокости, прекращения уголовных и административных дел против протестующих (за эти месяцы были задержаны 6000 человек, несколько сотен оказались под уголовным преследованием), прекратить называть протесты «бунтом» (статья, аналогичная российским «массовым беспорядкам», предполагает до 10 лет заключения). И — главное — обеспечить свободные и прямые выборы Заксобрания и главы администрации. Сейчас сложный механизм непрямых выборов, по сути, обеспечивает материковому Китаю контроль над Гонконгом. В сентябре глава администрации Гонконга Кэрри Лам объявила, что закон об экстрадиции рассматриваться не будет, но протест только набрал обороты. Слишком многое произошло за эти месяцы. «Слишком мало, слишком поздно», — скандируют гонконгцы, перекрывая улицы.

Маги света, огня
и воды Гонконга.
Как онлайн-игра
стала реальностью —
и смерть пришла
вслед за ней

Повесть-репортаж
Елены Костюченко

ОНЛАЙН-ИГРА

И мпо 25 лет. Правительственный чиновник, инженер-механик, программист, политолог. Они представляются «английскими» именами, которые есть у каждого гонконгца. Морис, Сэм, Николас и Полли встречаются со мной в кафе у окраинной станции метро. Здесь подают тайваньскую кухню и чай с шариками из желе. Работают кондиционеры, но одежда все равно липнет к телу. Они приходят без масок и просят не описывать их.

— Есть разные маги, — говорит Николас. — Маги огня — это те, кто кидает «коктейли Молотова» и создает огненные за-слоны. Есть маги воды, вот я, например. Мы боремся со слезоточивым газом, с газовыми гранатами. В 14-м, когда полиция начала нас газом обстреливать, такой ступор был, все разбежались, падали, паниковали. Потом мы просто откидывали гранаты подальше. Потом мы поливали газовые гранаты водой, тушили их. Потом мы обнаружили, что, если на гранату накинуть дорожный конус и заливать воду туда, получается еще лучше. А один парень накрыл гранату сковородкой — и она вообще потухла. Теперь мы ходим со сковородками. Еще есть маги света — это чуваки с лазерами, они мешают полиции ориентироваться, видеть нас, снимать нас. Есть темные маги, они убивают камеры и светофоры — разбивают или замазывают черным. Есть маги земли — они разбирают мостовую, чтобы было что кидать в полицию. Есть плотники — они строят баррикады. Целители — ну, про них понятно. Есть воины. Воины — это первая линия.

— А я ясновидящий, — говорит Морис. — Разведчик. Узнаю, откуда придет полиция, и сообщаю остальным.

Этот протест начался в Сети — на форуме LiHKG. Это аналог российского Пикабу, форум самой общей тематики. Тут обсуждают машины, игры, постят смешные видео, есть и раздел о политике. Весной, когда законо-

проект внесли на рассмотрение, форумчане обсуждали, что делать, и решили, что ответить могут только протестом. Сейчас LiHKG, по сути, основной движок протеста и голосовалка. Здесь слово «форум» вернуло себе изначальный, греческий смысл — собрание горожан. Каждый может предложить свою стратегию борьбы, пользователи проголосуют за или против, дополнят, обсудят детали. Чтобы не попадать под уголовное законодательство, гонконгцы пишут «мне снилось». «Мне снилось, что я кидаю «коктейли Молотова». Братя, кому снилось похожее? Делали вы во сне поправку на ветер, и если да, то как?»

Самый известный пост на форуме появился 5 месяцев назад — «гонконгская онлайн-игра».

Пользователь пишет: «В последнее время я видел много захватывающих снов о братьях и сестрах LiHKG, в которых они фантазируют о многопользовательской ролевой онлайн-игре (MMORPG) под названием Hong Kong Online. Игра представляет собой серию городских сражений в пространстве, похожем на Гонконг. Поскольку на нашем форуме есть много полезных постов, которым не уделяется достаточного внимания, я суммировал ваши сны и подробно описал содержание игры. Братя и сестры, посмотрите, хорошо ли получилось, и может ли кто-то из вас помочь в улучшении игры как разработчик?»

Дальше на четырех страницах описывается стратегия уличной борьбы. Экипировка, тактика, персонажи (маги, целители, плотники, воины) и битвы с монстрами — с полицией.

Есть и раздел «оружие» — пока там перечисляются зонтики, свернутая газета, палка для скандинавской ходьбы без острого наконечника. Лучшие зонтики — из «ИКЕИ», лучшие шлемы — велосипедные.

Но прямые уличные столкновения с полицией далеко не основная тактика протеста.

Забастовка. Стачка. Человеческие цепи вокруг административных зданий. Старшеклассники приходят в школу к 7:30 и до звонка стоят в школьных дворах, взявшись за руки. Гонконгские школы достаточно консерва-

тивные, поэтому, оказавшись рядом, мальчик и девочка берутся не за руки, а за зонтик или учебник, чтобы не касаться друг друга. Уличные концерты с политическими песнями. Дни обналочки — гонконгцы снимают все что могут из банкоматов, парализуя платежные системы. Сидячие протесты. Гуляния в дни национальных праздников, переходящие в то же перекрытие дорог. Культурная экспансия в прокитайские районы, уличные агитаторы, политическая пропаганда. Спонтанные перекрытия дорог машинами. В 10 вечера люди кричат из окон своих квартир, почему и как именно они ненавидят власти, полицию и Китай. Пассажиры останавливают поезда метро, не давая дверям закрываться. Более радикальные протестующие разрушают госсобственность, а с августа — и собственность метро. На свое метро гонконгцы злы. Рассказывают, как метро помогает полиции, доставляя полицейских поездами прямо к протестам, как закрываются станции в дни больших шествий, а администрация не выдает записи камер, на которые попадают полицейские атаки.

Дизайнеры и художники рисуют картинки и мемы на кантонском (родном диалекте гонконгцев) и английском, производство шуток поставлено на поток — 70 мемов в день. Картинки и видео раскидываются через airdrop прямо на улицах. Граффити сегодня везде и всюду — в 2014-м город старались «не пачкать». В конце июня в городе проходил саммит «Большой двадцатки», и гонконгцы скинулись на рекламные площади во всех центральных газетах. Новости о форуме соседствовали с политическими лозунгами и обращениями гонконгской администрации и материкового Китая. Участников саммита просили «освободить Гонконг».

Каждое воскресенье протест возвращается к классическим массовым шествиям, которые порой заканчиваются захватом административных зданий. Существует даже система жестов, чтобы передавать сообщения с одного края толпы до другого. Движением рук можно попросить медицинскую помощь, шлем, кусачки, очки — сообщение повторяется и идет волной через ты-

«Дождь идет»

сячи людей, пока задние ряды передают то, что нужно. Толпа, обездвиживая город, пропускает только скорые.

Новые формы протеста появляются каждый день. Протестующие ссылаются на постулат Макклюэна medium is the message, показывая, что протест поистине народный. Кажется, цель — максимально дестабилизировать город. И у них — получается.

Протестующие закрывают лица. Медицинская маска надевается на лицо за секунду. По форумам гуляют карты «кладов» — секретных складов, где есть снаряжение посерьезнее: маски с фильтрами от газа, герметичные очки, шлемы, зонтики, аптечки. Бойцы переднего края предпочитают черное — так сложнее их идентифицировать. После акций важно быстро переодеться, чтобы не задержали. Форум описывает «моду», маскировку — длинные юбки и яркая помада для девушек, офисные рубашки для ребят.

У мирных протестующих часто закрыт один глаз — в знак солидарности с медсестрой, которая в августе в районе Чимсачэй потеряла глаз при стрельбе полиции биг-бэгами — мешочками с дробью. Она до сих пор в больнице и старается избегать журналистов — здесь верят, что материковый Китай идентифицирует каждого протестующего, чтобы «расплатиться потом».

Анонимность — это броня, деанонимизация — это оружие. В Сети есть масса групп, которые заняты деанонимизацией полицейских. С начала протеста полицейские перестали носить личные номера «из соображений безопасности». Но то и дело в Сети появляются их имена, адреса и даже список членов семей. Полицейское управление Гонконга сообщило о 700 случаях преследования полицейских и их родственников. 18 июля посреди дня в торговом центре был арестован Колин Чун, которого подозревали в создании самого известного ресурса деанонимизации — телеграм-канала Dadfindboy. Канал объявил себя группой поиска «пропавших детей» и сейчас имеет 240 тысяч подписчиков. Чуна обвинили в «заговоре и подстрекательстве к убийству», продержали двое суток и не нашли доказательств вины. Выйдя из застенков,

Чун объявил, что действительно создал канал — «чтобы наша полиция не походила на тайную».

— Мы научились главному — не предавать друг друга, — говорит Полли. — Даже если мы знаем, что кто-то неправильно себя ведет, это не становится поводом для осуждения и раскола. У нас одна цель, но каждый сам выбирает методы.

На LiHKG продолжается обсуждение. Парень, сидевший за наркотики, рассказывает, как выживать в тюрьме, — делится опытом заключенного для тех, кто неизбежно сядет.

Изучают тактику полиции, делятся ресурсами: «Полевое руководство армии США: Реагирование на массовые беспорядки», «Полевой армейский мануал: революция и борьба с повстанцами».

Для обсуждения самых чувствительных тем форумчане переходят на чинглиш — кантонский в английской транслитерации. Иероглифы кантонского, на котором говорят в Гонконге, и мандарина, на котором говорят в материковом Китае, произносятся по-разному, поэтому транслитерированные слова «материковые китайцы» не понимают. Раньше чинглишем переписывались только школьницы, и это тоже повод для шуток.

Цитируют лидера американского движения против сегрегации Малкольма Икса: «Если ты не готов умереть, исключи слово «свобода» из своего словаря».

Э

то конец синей ветки, спальный район, десять вечера. Люди ехали с работы. Прямо на платформе кто-то проскандировал «Свободный Гонконг, революция нашего времени», пассажиры подхватили. Наверх никто не спешил. Станция быстро оказалась забита людьми. На следующем поезде приехала полиция.

Полицейские выгнали всех из метро и закрыли станцию. Встали в дверях.

Люди не ушли. Стоят перед станцией и кричат на оцепление:

- Вы здесь не нужны!
- Это время революции!
- Око за око!

Полицейские пятятся.

— Выстрели себе в рот! — скандирует толпа.

Полиция, которой по праву гордился Гонконг, все еще не привыкла к общей ненависти. Лозунги про ментов звучат чаще, чем про Кэрри Лам и Китай. Люди чувствуют себя преданными.

Полицейских высвечивают лазером, стараются попасть в лицо. В ответ полицейские переключают фонари на шлемах в режим вспышек. Вспышки слепят протестующих, мешают съемке.

Молодой парень кричит молодому полицейскому: — Я спал с твоей женой, и я по ней скучаю!

Девушка выходит из метро, разворачивается к полицейским и быстро пишет на листке: «Район Ханхау вам не рад».

— Где ваше сердце! Где ваше сердце! — кричит полноватая женщина в голубой футболке.

Полицейские разворачивают синий флаг. Это значит, что собрание незаконно, людей просят не скапливаться. То же самое повторяют в мегафон.

В какой-то момент полицейская цепь начинает двигаться. Полицейские бегут, люди бегут от них. Отряд очищает пространство у метро, возвращается к дверям.

Толпа собирается снова.

— Я спал с твоей женой! — орет парень. — Она классная, зачем тебе такая?

— Ваши семьи сохнут!

— Ну вы и мрази, — не выдерживает молодой полицейский. — Твари, вы еще получите!

Коллеги толкают его в бок. Толпа улюлюкает.

Полицейская цепь бежит снова. Мальчик 12 лет топчется, прихрамывая, чужая женщина догоняет его, пытается тащить за руку. Толпа делится на ручейки, убегает в кварталы.

Полиция добегают до жилого комплекса, забегает во дворы. Восемь полицейских окружают женщину на остановке, хватают за руки, пытаются задержать.

Перед полицейскими из ниоткуда появляется старичок в форме охранника.

— Это частная собственность. Вы не можете здесь находиться. Никто из жильцов вас не вызывал.

Сами жильцы выходят на балконы. Загораются все новые и новые окна. Люди выходят из многоэтажек. Поднимается крик.

— Уходите! Сейчас же уходите! Мы вас не звали!

— У меня дети спят. Да что же это такое!

— Это частная собственность!

Офицер вполголоса пытается убедить жильцов зайти в подъезды, но их становится все больше.

— Как вы смеете говорить, что это оскорбительное поведение! — кричит молодая женщина. — Что это несогласованное собрание! Я в своем районе, у своего дома!

Бухгалтерша в черной футболке рассказывает, как ее чуть не задержали, ее губы дрожат: «Шла домой, ну да, в черном, схватили за рюкзак — десять полицейских, «еще раз вякнешь, заберем участок». Я говорю, покажите жетон или документы, один мне средний палец показывает — вот тебе мои документы».

— Я живу здесь, почему я не могу здесь ходить?

— И я говорю, пусть меня досматривает женщина, — продолжает бухгалтерша.

— Что мы вам сделали?

Из домов выходят и выходят жильцы. Их уже сотня. Полицейских лишь четырнадцать, их уже окружают.

Полицейские хватают друг друга за плечи и пятятся из квартала под свист и улюлюканье. Но люди расходятся, лишь когда отряд переходит на другую сторону улицы. «Только суньтесь!» Уходя,жимают руку старичку-охраннику. Им довольны. Неделю назад охранник жилого комплекса «Сад Вампоа» пропустил полицию внутрь здания. Охранника уволили на следующий день — но перед этим жильцы 16 часов не давали ему уйти с поста, рассказывая, что они о нем думают.

Вновь начинается беготня по переулкам. Полицейские на бегу роняют мужчину, падают сверху, грубо переворачивают. Его нос разбит в мясо, лицо в красной луже. Медики-волонтеры пробиваются через полицейские ряды. Мужчину утирают, грузят на носилки, несут к скорой. Он вернется на носилках, трогает нос: «Чем это пахнет? Чем пахнет?»

↩ СТРАНИЦЫ 10–11

落

«ДОЖДЬ

雨

ИДЕТ»

ЧТО ТАКОЕ ГОНКОНГ?

МОЛЧАЛИВОЕ БОЛЬШИНСТВО

Сейчас это футуристические небоскребы, переплетенные мостами и проводами. Раньше здесь были рыбацкие деревушки, заселенные тайцами и вьетнамцами, потом — порты для торговли европейцев с материковым Китаем. Гонконг — искусственное образование. Он возник как бывшая британская колония в 1842-м, после опиумной войны. Британия захватила часть территорий Китая, а часть арендовала. В 1997 году в рамках политики деколонизации Британия передала землю вместе с жителями обратно в Китай. Чувствуя ответственность перед бывшей колонией, Британия потребовала от Китая сохранить максимальную автономию Гонконга еще на 50 лет, до 2047 года. С тех пор Гонконг и материковый Китай живут по принципу «одна страна — две системы». По Основному закону, заменяющему Гонконгу Конституцию, Китай берет на себя лишь вопросы обороны и внешней политики. В Гонконге — свободный интернет и нерегулируемый рынок, отсутствие цензуры, своя валюта, свои правоохранительные и судебные органы и даже своя, британская, система права. При этом демократией назвать Гонконг сложно — по сути, контроль над территорией разделен между олигархами и материковым Китаем. Бизнес, ставший властью, ожидаемо перестал считаться с людьми. Гигантский разрыв в доходах, отсутствие возможности купить собственное жилье (здесь самые высокие цены в мире за квадратный метр), а значит — создать семью превратили особый город в бурлящий котел. Люди готовы протестовать и через протест добиваться лучшего будущего для себя. Но каждый раз протесты начинаются именно из-за вмешательства Китая.

Я была на «революции зонтиков» 5 лет назад. Тогда студенты пытались добиться тех же прямых выборов — разбивали палатки на улицах Сентрала и Вонкока, строили баррикады, клеили стикеры с требованиями демократии. Ни столкновений с полицией, ни граффити, ни погромов. На пике студенческий протест достиг 100 тысяч участников. Спящие, целующиеся, жующие, танцующие закупорили основные артерии города, парализовав Гонконг. Постепенно горожане перестали поддерживать протестующих, и полиция легко разобрала баррикады из ограждений и бамбуковых палок. Сама идея физически удерживать улицы оказалась утопической. Тот протест продлился 78 дней.

Ничего добиться не удалось. И протест изменился.

— В Тайване парень убил девушку. Забрал ее банковскую карту и сбежал сюда, в Гонконг. Его арестовали наши — за использование чужой карты. За это максимум срок полгода. В октябре он должен был выйти. За убийство не можем его судить, потому что это случилось не у нас. И выслать его не можем — у нас нет с Тайванем соглашения о выдаче. Поэтому и попытались принять закон до октября. Там же не только Китай, там еще Тайвань и Макао. Разве нормально, что у нас нет договора о выдаче с соседними странами?

Протестующие говорят «нет» на все. Кэрри Лам сказала — не будем сейчас рассматривать закон. «Нет, не надо сейчас, надо совсем не рассматривать». Она сказала — ОК, этот закон мертв. «Нет, скажи не так, скажи официально». Теперь сказала — законопроект отозван. «Нет, у нас еще четыре требования». Это как если ты голодный, тебе говорят — возьми еду, а ты говоришь — нет, хочу не еду, хочу ужин. Значит, ты не голоден, вот что.

Говорят, этим в черных рубашках платят по 10 000 гонконгских долларов (80 тысяч рублей — Е. К.) в день. Это хорошие деньги. Может, и неправда. Но я верю, что в протесте участвуют некие силы. Это необязательно чужие государства. Наш рынок акций пошел резко вниз. Упал на 2000 пунктов, это почти 10%. Сколько с этого имеют игроки?

Трижды протестующие останавливали аэропорт, один раз — на двое суток почти. К нам из 30 стран летают — это нормально? Хотим, чтоб не летали?

У нас 70% туристов были из материкового Китая. Они перестали приезжать. Сейчас сезон, а отели заполнены наполовину. 9 из 10 туристических гидов сидят без работы. Торговля не идет, таксисты голодают. Это чудовищно все влияет. Причем влияет отложено. Вот я произвожу и устанавливаю большие профессиональные кухни — для отелей, для столовых, для ресторанов. У меня есть две фабрики — в материковом Китае и в Гонконге. У меня заказы расписаны на 18 месяцев вперед. Но что потом? Для бизнеса такие кухни — это капитальная инвестиция. Если сейчас нет прибыли, если период нестабильности, все предпочтут подождать. А мне надо платить рабочим, я не могу остановить производство и жить на сбережения, не могу сказать — пусть ваши семьи голодают, зато моя будет сыта.

Все боятся. Они вычисляют полицейских, да и просто прохожих, которые им не то сказали. Вычисляют их имена, имена их близких, где живут, где работают, все постится в интернет, и начинается травля. Я не скажу свое имя. Мне такого не надо. И никому не надо. Нас большинство, но мы молчаливое большинство. Мы обсудим между собой, но не скажем громко и на улице не пойдём.

Я родился в британской колонии. Я все помню. Если ты не белый, то все топовые позиции не для тебя. Я ро-

дился британским подданным. Но, когда они отдавали нас Китаю, они дали только 10% населения британские паспорта — выбрали самых образованных, остальные типа не подошли. И да, я чувствую себя глубоко оскорбленным, когда эти дети поднимают британский флаг. Вы чего хорошего видели от англичан? Что они тут хорошие законы, хорошую систему устроили по себе? Так они не для вас устраивали, а для себя. Что Гонконг — это мировой финансовый центр, — так это наше трудолюбие, а не их. Что, по сути, три финансовых центра — Лондон, Нью-Йорк и Гонконг, и все англоговорящие, и везде похожее право — так история решила, нам повезло, так давайте не будем это везение просирать непонятно ради чего.

У нас здесь, в Гонконге, есть гарнизон китайской армии. Потому что мы относимся к Китаю. А раньше стоял британский гарнизон. Солдаты помогают убираться после тайфунов. Их вообще не видно в городе. Они не выходят, не провоцируют. Мы хотим, чтобы они вышли? Хотим Тяньаньмэнь?

Есть видео. Двое полицейских внутри машины. Протестующие бьют стекла металлическими прутами. В аэропорту полицейского прижали в угол. Он достал пистолет.

Репортера из Китая связали и избили. Думали, шпион.

Эта медсестра, девочка, которая потеряла глаз.

Сейчас все стараются не убить. Не стать убийцами. Первая смерть откроет дверь второй и третьей. Они говорят, они боятся за будущее, но они не знают, что такое страх, бояться учиться с возрастом. Когда свои дети. Ты знаешь, как хрупко будущее, как оно случайно. Они боятся, что будущее им не понравится. Мы боимся, что оно может не наступить.

ОБМЕНЯТЬ ЖИЗНЬ НА ЖЕЛАНИЕ

Вечером 15 июня 35-летний мужчина по фамилии Люн в ярко-желтом дождевике залез на строительные леса у небоскреба в центре города, закрепил транспарант «Любите, а не стреляйте! Нет экстрадиции в Китай!». Сел рядом. В течение пяти часов полицейские пытались отговорить его от прыжка — безуспешно.

Строительные леса, пешеходные мосты, крыши, высокие этажи. Студентка, студент, офисный работник, бывшая воспитательница, безработный. Записки, фейсбук, краска на стенах. «Я надеюсь обменять мою жизнь на исполнение желаний двух миллионов людей. Мы против экстрадиции в Китай». «Гонконг, продолжай бороться. Я хотела бы увидеть твою победу... Но я не пойду на завтрашний митинг, потому что потеряла надежду на лучшую жизнь. У меня нет собственного жилья, я измотана и не хочу продолжать тяжело работать для обеспечения завтрашнего дня». «Что нужно Гонконгу — это революция».

Девять человек, перед смертью оставивших записки о будущем Гонконга, считаются мучениками. Их имена пишут на стенах.

Сто других, покончивших с собой за время летних массовых митингов, остаются безымянными. Группа по предотвращению самоубийств Samaritan Befrienders объявила, что число звонков на их горячую линию увеличилось в пять раз. Их

Гавань Виктория. Авеню Звезд, Гонконг

исполнительный директор Кларенс Цанг сказала, что большинство звонков связаны с законопроектом и с протестами. «Они говорят вещи вроде: «Я ничего не боюсь. Худшее, что я могу получить, — это настоящая пуля. Я все равно ничего не смогу добиться». Пол Ип Сиу-Фай, директор Центра предотвращения самоубийств при Университете Гонконга: «Все общество впало в истерию из-за вулканического извержения глубокого кризиса идентичности, вызванного законопроектом. Люди расстроены, боятся друг за друга и не ощущают никакой уверенности в собственной жизни. Я никогда прежде не видел, чтобы гонконгцы так тревожились, чтобы чувствовали, что вообще ничего не контролируют».

ПОЛИЦИЯ

Протестующие опять пообещали перекрыть аэропорт. Аэропорт перекрывают периодически. Самое долгое — на три дня в августе. Тогда были отменены 600 рейсов, убытки оценены в миллионы долларов. Теперь в здание аэропорта можно попасть только с распечатанным электронным билетом после проверки билета служащим аэропорта. Двух служащих и одного пилота уже уволили — они присоединились к протестам. Дикие очереди. По громкой связи пассажиров просят приезжать заранее.

Полиция Гонконга находится в сияющем небоскребе. Ежедневная пресс-конференция — с синхронным переводом на английский. Чтобы завоевать благосклонность журналистов, создан даже секретный чат в ватсапе — для оперативных комментариев.

— Касательно перекрытия дорог. Невнимательное вождение приведет к шести месяцам тюрьмы, — бубнит начальник дорожной полиции Новых Территорий Ли Кам Пиу. — Опасное вождение может привести к трем годам тюрьмы. Ложное сообщение об аварии приведет к шести месяцам тюрьмы или штрафу в 1000 долларов.

— А что такое — невнимательное?

— Если на хайвее едут 110 километров, а человек едет 30–40, это беспечное вождение.

Журналисты гудят.

— Касательно полицейских в туалете аэропорта. Две подозреваемых женского пола находились в туалете. Мы попросили служащего аэропорта вывести их из туалета! Сами мы в туалет не заходили!

Журналисты просят уточнить, как именно полицейские будут определять, кого задерживать.

— Не раскрываются детали операции, — отвечает глава отдела по району аэропорта Лау Винг-Кей.

— И зачем вы нас собрали тогда?

Перед полицейскими на большом экране сменяются фотографии протестующих, дерущихся с полицией.

В названный протестующими день аэропорт заполнен формой. Полицейские останавливают и проверяют все автобусы, идущие в аэропорт. Людей без билетов высаживают. Отменены остановки аэроэкспрессов на промежуточных станциях. На одной из станций возникают беспорядки — опаздывающие пассажиры начинают скандировать лозунги, полиция привычно разгоняет их.

В результате действий полиции аэропорт обездвижен, дороги и поезда к нему стоят намертво. Протестующие так и не приезжают — ни один человек.

В чатах телеграма летает — «будь как вода».

ВОНКОК

Сутра в Китайском университете (самый крупный государственный университет Гонконга) выстроилась линия — студенты, преподаватели, библиотекари, лаборанты. Длинную площадь от библиотеки до памятника павшим обняла человеческая змея. Девочки в черном держат портрет Кэрри Лам с вытекшим глазом, «нет бунтарей, есть тирания». Солнце бьет вниз, люди прикрывают веки, поднимают зонты.

Этот университет в шутку называют кузницей революции. Именно здесь учился Сунь Ятсен, китайский революционер, которого на материке почитают как «отца нации».

Переход от метро стал «стеной Леннона» — на стикерах студенты пишут свои желания, и главное из них — свобода. На бронзовую Богиню демократии (с ее оригиналом из папы-маше китайские студенты вышли на Тяньаньмэнь в 1989-м) натянули медицинскую маску.

На асфальте перед университетом — размашистые иероглифы: «Бойкотируй занятия! Даже школьники будут лучше вас».

Если подняться по лестнице, увидишь трехметрового белоснежного протестующего с черным флагом. Протестующий, как полагают, в маске, каске и в очках, с зонтиком наперевес. Протестующего печатали на 3D-принтере.

В восемь вечера статуя перемещается на площадь в Козуэй-Бей, в правительственный квартал. Гиганта собирают по частям — парни привинчивают локти и кисти. Собранную статую тут же забивают сотни лазерных точек. У ног сидит толпа. Мирный протест против кровавого Китая. Шестилетняя девочка кричит: «Борись за свободу!» Толпа отвечает: «Будь с Гонконгом!»

На небольшой сцене растяжка — «белый террор». Так здесь называют запугивание, создание атмосферы страха. Выступают профсоюзники. С забастовок начался сентябрь. За ними — социальные работники — их лига активно включилась в протест. Тэд Хуи Чу-фунг — депутат Демократической партии — говорит: «Молодые люди начали этот протест. Они не будут оставлены нами. Мы последуем туда, куда пойдут они».

Молодые люди в этот момент выходили со станции «Вонкок».

Турникеты на выходе уже были разбиты. Женщина в зеленой ветровке попыталась сфотографировать юных смеющихся у турникетов — «ребята, давайте сделаем селфи», потом начала кричать:

— Погромщики! Погромщики!
Молодежь ржала и отвечала:
— Ты не из Гонконга! Не из Гонконга!
— Боже, она как из машины времени вылезла.
— Трахнуть тебя как следует!
— Ну иди и трахни, чего стоишь! Давай! — женщина начала задыхаться. Ее прижимали к стене две другие женщины ее лет, шипели, отгоняя протестующих.

— А ты прямо приглашаешь! — смеялся парень. — Ну так пошли, чего ты!

Другой — в маске, в черном — не спеша размотал брендспойт, закрепленный на стене, и начал плотной струей бить все вокруг — автомат по продаже билетов, турникеты, телевизионный экран.

Женщина вырывалась. Кричала: «Где полиция?» Ее уговаривали уйти. Прижали уже к другой стене. Она завывала.

— Давайте мы вас выведем!

Уже на улице она подбежала ко мне. Ее зовут Ики, ей 49 лет. Она действительно не из Гонконга, а из Шеньчжэня — пограничного китайского города. Продавщица в маленьком продуктовом магазине.

— Они — не Гонконг! В Гонконге есть другие люди, много людей поддерживают друг друга. Все хотят нор-

мально жить, я очень зла! Они ломают, крушат, а вы смотрите!

Старуха, спешащая в метро, остановилась.

— Люди покончили с собой ради свободы, а ты переживаешь о турникетах. Позорище.

У метро горели баррикады. Пожарная машина подъехала, взвизгнув, двое пожарных тушили пламя, остальные топтались рядом.

Девочки прикрывают от камер зонтиками молодого человека, он пишет вдоль разделительной полосы вечное «Борись за свободу, будь с Гонконгом».

— Да уже час-два бузим, — говорит девушка в телефон.

Девушки поднимали зонтики выше. Догорала баррикада на Натан-роуд.

Мужчину, снимавшего огонь, вдруг окружила толпа, разом свернувшаяся, как молоко.

— Дождь идет!

— Дождь иде-е-ет!

Девочки с зонтиками подбежали ближе. Стало не видно. Кричали:

— Не убейте! Ребята, не убейте его!

— Пусть идет! Пустите!

— Бей! Сильнее!

Я наклонилась вниз.

Били короткими стеками, стянули штаны. Били длинную минуту. Рассекли лоб над бровью, кожа разошлась как улыбка, кровь побежала по лицу. Волонтер-медик отбил, усадил на бордюр, мужчина огрызается на английском: «Вы врач вообще?» Он из США. Его ведут к непокрытым улицам, чтобы доставить в больницу.

Ограждения вдоль тротуара разломали и примотали к выходам из метро. Ясновидающие разведали, что полиция едет поездами на ближайшую станцию «Яуматей». Ребята в черном подгоняли последних пассажиров перед тем, как вытащить из стены складную решетку и закрыть последний вход. Люди вытекали в горящую ночь молча, некоторые жалко, тряско улыбались.

Парни забирались на крышу, чтоб повоевать со светящимися символами метро. Символы не поддавались — жесткая пластмасса. Тогда их начали отмывать.

В толпе ходили ребята, полностью покрытые черным. Некоторые из них были школьниками. Я встретила парня 14 лет.

Разгром улицы он объяснил так:

— Мы хотим донести полиции нашу тревожность.

Стекла переходов били молотками. Принесли длинный шест, опрокинули камеру со столба. Улица горела и аплодировала.

Девушка раздавала медицинские маски. Другие девчонки, совсем юного вида, все бегали с зонтиками, ища, кого бы еще прикрыть.

ВоЛиФей — аббревиатура «мирное, рациональное, ненасильственное». Так здесь называют тихий, согласованный протест.

«Мы — не они».

Через час ясновидящие сигналият. Из-за дыма выскакивает полиция. Улица уже растрепана, усыпана осколками, укутана гарью, разукрашена надписями. Пуста. Причесали улицу — шеренгами. Веселые исчезли все, оказались в переулках.

МЕМОРИАЛ

Станция «Принс-Эдуард» закрыта. Облеплена белыми ленточками, укрыта белыми цветами. Гвоздики, розы, хризантемы, лилии. Растрепанные ромашки. Это народный мемориал. Его разбирают полиция и работники метро каждое утро, в 6 — к вечеру он появляется снова.

31 августа здесь случилось побоище. Полицейские били пассажиров в вагонах. Полицейские говорят, что били не пассажиров, а протестующих, пытавшихся спастись поездом. Люди говорят — били всех и кого-то точно убили. Прямо над станцией — отделение полиции Вонкока, темные окна отворачиваются от мемориала.

По асфальту разбросаны бумажки с золотыми кругами, листочки с молитвами. Похоронная китайская традиция. Бумажки приманивают духов. Горят свечи и огонь в железных банках. Женщина сует в огонь напечатанные банкноты — они сгорают. Считается, что все сгоревшее отправляется в мир за чертой. Рядом лежат апельсины, стоят бумажный дом и бумажная собака. Кто-то захотел, чтобы у погибших была собака.

Вопрос о жертвах 31 августа до сих пор открыт. Нет ни сообщений о пропавших, ни заявлений родственников и друзей, ни имен. Мне сложно представить, что тела можно спрятать в таком городе, как Гонконг, — но протестующие в это верят. Требуют видео с камер наблюдения, день за днем парализуя Вонкок. Администрация метро записи не выдает, полиция обещает сама провести расследование, добавляя бешенства. Слух о трех погибших стал каноническим,

его пересказывают как факт. На попавших в Сеть видео с телефонов действительно видно, что некоторые пассажиры не в сознании, полиция волочет их из вагонов как мешки. Журналистов на станцию не пускали два часа — якобы замывали следы крови.

За мемориалом следят и днем, и ночью. Сейчас дежурит Джо — бородатый потрепанный мужик, женщина со строгим лицом (она не отходит от огня) и парень в белой футболке.

— Я с июля. Я всегда был аполитичным. Меня ничего не трогало. Мои друзья вытащили меня на протест. И я почувствовал, как мы все связаны, такое глубокое, мощное чувство. Что мы должны биться вместе, должны посещать акции, должны участвовать в протесте.

Я практически сразу перешел к насилию. Потому что хотелось сделать по максимуму.

Что такое насилие? Кто агрессор, кто жертва? Государство обладает монополией на насилие, нас учат в университете. Любое насилие, примененное государством, законно.

Они ведь до сих пор не понимают, почему мы это делаем. Мы ломаем вещи, мы ломаем закон. Но закон уже сломан — ими.

Мои родители. Они знают, какой я. Что если нет свободы — для меня это просто значит, что нет жизни. Мой папа — повар, готовит китайскую еду, мама работает в банке. Отец хотел готовить европейскую кухню, но он ушел работать после начальной школы, помогать родителям. А для европейской кухни требовали хотя бы среднее образование. При Британии школы были платные. Все было платным. И все их поколение — это про деньги. Учись, работай, заработай на жилье, заработай на машину. Роды детей.

Я многому научился. Бытовым всяким вещам. И одной смыслообразующей. Мы можем протестовать эффективнее, и еще эффективнее, но государство все равно не идет на уступки. И в конце остается только надежда. Она нас ведет, она внутри всего.

Отчаянию места не остается.

Мы хотим научиться у других стран всему, что можем. Мы устраивали уличные кинопоказы. Самый мой любимый — фильм Netflix «Зима в огне» про революцию на Украине. Мы ими очень вдохновлены. Даже слова какие-то взяли с украинского — «майдан», «титишки», «перемога». Но не всегда то, что работает для них, работает для нас. «Насилие» — это слово для государства.

Если ты делаешь что-то плохое правительству, они говорят — это насилие. Но когда бандиты бьют протестующих — их даже не арестовывают. Менты их отпускают. Их насилие полезно государству. У меня есть свои правила. Я не буду громить магазины — хотя они закрываются на время протестов. Почему закрываются? Мы громим метро — потому что они работают на полицию. А если вы оставите магазин открытым, мы купим что-то, воду купим. Но нас бояться.

Полиция использует слезоточивый газ, дубинки, резиновые пули, а я строю баррикады. Не такое уж и насилие. Ребята на передней линии — это другое. Если полицейские ломают кости, ты используешь свое тело, чтобы защитить людей за тобой. Они могут защитить нас, тех, кто сзади, не нанося полицейским существенного урона. От полицейских обороняются зонтиками, даже палки для ходьбы используешь, чтобы защититься, не для атаки. Не для атаки. Я не думаю, что сейчас мы применяем много насилия. Но если это приведет к уличной войне, нам придется. Это не то, что мы хотим, — стрелять в полицию. Но это может случиться. Ты защищаешься на войне. Ты нападаешь на войну. Если кто-то будет убит, если люди будут драться насмерть, я буду с ними.

Я не готов убить человека. Пока не готов.

Я не могу пока об этом думать. Я не готов жертвовать своей жизнью. Не готов убивать. Ты видишь такого же, как ты, и что, что форма. Мы все люди. Но когда ты на войне, ты приобретаешь... опыт. И перестаешь чувствовать. Я не хочу, чтобы наши протестующие становились солдатами.

Но они не дадут тебе свободу просто так. Если они дают ее даром, это не свобода. Они просто заставляют поверить, что это свобода. Как Китай, который отрубил пол-интернета, чтобы новости не доходили. Такая свободная страна. У нас пока хоть есть соцсети. Зачем нам выборы, если можно в фейсбуке тупить. Да?

Сколько стоит свобода?

Его зовут Кевин. Учится на дизайнера, полноватый, белая футболка, белые носки. Завтра после занятий в университете идет в родную школу — рассказывать старшеклассникам про протест и где их место в этом протесте.

В 5 утра изнутри к решетке, к белым цветам поднимается сотрудник метро и просит разрешения открыть решетку. Он переговаривается через прутья с бородатым Джо, который всю ночь сидел у костра. Оба измотаны. Разговор спокойный — рабочий делает свою работу, Джо стоит за свои убеждения, все друг друга понимают. Переговоры заканчиваются ничем. Рабочий уходит. Джо отходит к костру. Кевин садится на тротуар. Совсем светло. Люди идут на работу мимо закрытой станции метро. Некоторые останавливаются постоять у мемориала. Женщина в офисном костюме берет у Джо пачку нарисованных денег и бросает в костер.

На следующий день было шествие к американскому посольству. Просили санкций для Кэрри Лам. Поднимали ладони, растопыривали пальцы — пять требований, ни одним меньше! Пели полицейским в оцеплении: «Неучи менты, бесполезные понты, глубокие идиоты, шавки, выпрашивающие подачку». Девочка восьми лет кричала: «Бейся за Гонконг», мама с папой подхватывали. Они шли с открытыми лицами — у них есть австралийские паспорта, «если что, уедем». «Кэрри Лам очень плохая», — говорила девочка журналистам. «Не плохая — даже ужасная», — поправляла мама. Женщина в панамке, глубоко надвинутой на глаза: «Я присоединилась к протесту ради справедливости и ради правды. Для Гонконга наступают страшные времена. Несколько молодых пожертвовали собой. Я не хочу, чтобы погибло еще больше детей». Девушка: «Мы напоминаем про пять требований. Терпеливо напоминаем. Власть исходит от народа — или это тирания. Как бы это все ни закончилось — люди запомнят». Школьный учитель обвиняет парня с замотанным лицом — узнал.

Протестующие разошлись, остались люди в черном. Подошли вход у станции «Сентрал» и быстро пошли вперед. Отрывали дорожные знаки, колотили в них как в барабаны. Быстро воздвигали баррикады под защитой пластиковых щитов из разломанных ограждений, готовые драться. Разведчики говорили им, где полиция. Черные бросали баррикады из досок и тут же поджигали их. По дороге встретили известного певца Аарона Квока на «Мазерати» — долго и радостно стучали в стекла. Машину окружили журналисты. Певец сохранял покер-фейс, немного улыбался и продвигался вперед.

У парка Виктория забежали в торговый центр. Охранник тут же закрыл вход за их спиной. Не останавливаясь, побежали к туалетам. Быстро переодевались в белые рубашки и майки, девочки надевали юбки. И из черной массы они превратились в обычных студентов и детей.

Одна группка не переделалась, не сняла маски. В их цветастой сумке стояли «коктейли Молотова», они планировали ими «кое-что» поджечь. Снаружи ТЦ их ждал хвост, ребята быстро шли вперед через праздничную, веселую толпу.

Добежали до мусорных контейнеров, перебросили «коктейли Молотова» через металлический борт. Курили, приподняв маски снизу. Длинноногий старшеклассник 17-ти лет сел на бордюр и объявил: «Я часть поколения. И мое поколение — за мной». В метро заходить никто не хотел — камеры. Случайный водитель припаркованного рядом минивена, коротко поговорив с ребятами, впустил их внутрь. Минивен резко газанул с места.

КАРДИНАЛ

Приемная Ронни Тонга находится на вершине небоскреба One Pacific Place. С этого небоскреба в июне шагнул мужчина в желтом дождевике, мистер Люн, который просил любить, а не стрелять. Поднявшись сквозь стекло и металл на высокий этаж, оказываешься в старой колониальной Британии. Стены обшиты деревянными панелями, подтянутые женщины на ресепшене по-английски улыбаются одними бровями. Зеленый ковер, в котором утопает нога, длинные коридоры с книжными шкафами до потолка, везде книги. Кабинет — огромный — тоже уставлен книгами, на столе — гора бумаг. Окно во всю стену, там, головокружительно низко, лежит Гонконг, дымное утро. Корабли ходят по серебряному заливу, вокруг кипит дымная зелень, и я вспоминаю, что «Гонконг» — это «цветущая бухта».

Ронни Тонг — маленький, в элегантном костюме, лицо сердито и собрано. Он личность во всех отношениях примечательная. Тонг — серый кардинал Гонконга. Здесь хватает серых кардиналов, но этот — особенный. Профессиональный адвокат, он окончил юрфак Квинс-колледжа — первого высшего заведения, основанного Британией в своей колонии, затем — юрфак Оксфорда, оба с отличием. Приобрел любовь к британскому стилю и идеальный, пощелкивающий акцентом английский. Возглавил адвокатскую коллегия, стал парламентарием. Пять лет назад он ушел из Демократической партии (здесь демократы — оппозиция) в центристскую и сделал это по своей воле. Причина — та же избирательная реформа, за которую сейчас идет война на улицах. Много лет Тонг вынашивал проект «умеренной» избирательной реформы — общие выборы с одобренными Китаем кандидатами, «так же голосуют в Ирландии, в Шри-Ланке, в Австралии». Китай согласился. А родные демократы назвали реформу «половинчатой» и общим голосованием ее похоронили. Ронни Тонг говорит, что плакал, когда смотрел прямую трансляцию. Он молчал два дня. Потом заговорил. «Это самый черный день на пути к демократии... Я не вижу будущего для умеренных в политике». Он ушел из Законодательного собрания. И попал в исполнительный совет — аналог нашей администрации президента. Администратор Гонконга Кэрри Лам — его ставленница.

Он говорит быстро и плавно, он не любит, чтобы его перебивали.

— У нас тут сложился ночной ритуал — люди по вечерам выходят, бросают «коктейли Молотова» и блокируют улицы. Затем около полуночи возвращаются домой и засыпают. Это очень неудовлетворительная ситуация, но мы все еще надеемся, что мы сможем справиться. Что медленно, при поддержке всего сообщества эти жестокие демонстрации постепенно прекратятся.

Очевидно, это очень болезненное время для гонконгцев. Плохо то, что конца, кажется, не видно. И, хотя законопроект об экстрадиции уже давно официально отозван, протестующие требуют, чтобы пять требований были выполнены. Всё или ничего.

Но из этих пяти требований два неисполнимы, а третье — маловероятно. Невыполнимое — это освобождение всех, кто был арестован, и никакого преследования для тех, кто совершил преступления. И что, хотя на улицах и были беспорядки, они не должны рассматриваться как беспорядки. Чтобы никто не был привлечен к ответственности опять же.

Это явно противоречит верховенству права. И я осмелюсь сказать, что ни одно ответственное правительство ни одной страны в мире никогда не пойдет на такие требования.

Третье, маловероятное, относится к демократической избирательной реформе. Но дело в том, что в 2015 году именно демократы, люди, которые стоят за этими протестами, наложили вето на предложение о всеобщем избирательном праве. Они требовали, чтобы политическая реформа была проведена вопреки положениям Основного закона. Вы знаете, что такое Основной закон?

Основной закон — это принцип «одна страна, две системы». Поэтому, если вы просите провести демократическую реформу, которая противоречит Основному закону, вы, по сути, ставите под вопрос само существование «одной страны, двух систем». И очевидно, что ни правительство Пекина, ни правительство Гонконга не согласятся это сделать.

Дальше веет совсем родным.

— Вы были здесь вчера? Они маршировали по центру, размахивая американскими флагами и призывая к освобождению Гонконга. Они призывали к интервенции. (Нет. — Е. К.) Они призывали США отправить войска в Гонконг. Они просят Англию направить войска в Гонконг. Они просят Тайвань направить войска в Гонконг. И они действительно верят, что чужие страны вмешаются, и поэтому они верят, что в конечном счете они выиграют эту битву.

Эта вера подбадривает их делать все, что они только могут придумать, чтобы нарушить повседневную жизнь людей в Гонконге. Из-за этой их веры стало чрезвычайно трудно — но не невозможно, конечно, — попытаться сесть и поговорить с ними, можем ли мы решить эти трудности мирным, рациональным путем.

— А вы верите, что за протестами стоят иностранные государства?

— Ну я, конечно, в это верю! Я совершенно уверен, что Тайвань стоит за этим, потому что многие лидеры протеста регулярно посещают Тайвань. Почти каждые две недели. Ходят слухи, что все шлемы, все защитные очки и доспехи были отправлены из Тайваня. Среди протестующих было много иностранцев, и многие из них — американцы. Они обучают протестующих, как иметь дело с полицией. В интернете есть клипы, где учат, как избежать слезоточивого газа. Как встать на колени, когда на них нападают. Как пройти с американскими флагами. Мы не знаем, предоставляют ли они и финансирование. У нас нет доказательств этого. Но другие страны никак это не отрицают. Никто не говорит: мы хотим, чтобы насилие в Гонконге закончилось.

Ронни Тонг жалуется, что полицейские «были вынуждены» снять опознавательные жетоны — их деанонимизируют, травят их, их семьи, их детей, «в этом участвуют даже школьные учителя, можете себе представить?» Говорит, что не видит причин, чтобы не публиковать

видео с камер наблюдения станции «Принс-Эдуард», — но всему свое время. Говорит, что икона протеста — девушка-медсестра, оставшаяся без глаза, — не такая уж и икона. И глаз у нее остался, и свои медицинские записи она не хочет предоставлять полиции, и защитные очки невозможно было разбить «малотравматичной» полицейской пулей — а вот металлическими шариками, которыми кидаются протестующие, можно... Подводит к главному:

— Правительство, очевидно, может попытаться действовать жестче. Например, было много разговоров о введении чрезвычайного положения. Но люди вроде меня в правительстве очень неохотно пойдут по этому пути. В Основном законе есть две статьи, с которыми мы должны быть очень осторожны. В статье 14

говорится, что глава исполнительной власти может призвать гарнизон Китайской освободительной армии в Гонконге для оказания помощи в восстановлении правопорядка. Есть еще одна статья, статья 18, в которой говорится, что Постоянный комитет (Пекин. — Е. К.) может решить, что в Гонконге — чрезвычайное положение, и в целях защиты национальной безопасности и порядка издать указ, что часть законов или все законы материкового Китая могут применяться к Гонконгу. Понимаете?

Поэтому давайте скажем, что наше правительство делает все возможное, чтобы предотвратить эти две ситуации.

Поэтому мы застряли между введением более жестких мер и терпимостью к тому, что происходит все это время. Немного утешает, что людей, выходящих на улицы, реально становится меньше. Относительно, конечно, это еще много людей. Но не так много, как в начале июня. Но насилия больше. Они становятся все более и более жестокими. Хотя мы считаем, что ситуация управляемая, — в полицейском смысле.

Говоря про Пекин, Ронни Тонг становится осторожен.

— Я не знаю, насколько обеспокоен Пекин. Я, честно говоря, не думаю, что Пекин беспокоится. Но наверняка там взволнованы происходящим. Это мое личное восприятие, у меня нет внутренней информации... Я почти убежден, что Пекин действительно верит, что закон и порядок в Гонконге могут быть восстановлены. Мы говорим о стране, которая, вы знаете, имеет очень, очень большой резерв вооруженной полиции и военной силы. И, если они захотят подавить Гонконг, они могут сделать это за одну ночь. Но, по моим ощущениям, Пекин не хочет этого делать — возможно, потому, что это может создать впечатление на международном уровне, что Пекин отказывается от «одной страны, двух систем». Но вы же знаете Китай, они не поддадутся давлению извне. Китай продолжает идти тем путем, которым он хочет идти. Я не думаю, что можно шантажировать Китай, угрожать Китаю, в этом смысле Трамп совершенно неправ. И в конце концов он это поймет... Но я не думаю, что Пекин хочет пойти на подавление Гонконга, — если только это не будет абсолютно вынужденно.

Если вы спросите меня: люди, которые должны нести ответственность за это? — это люди, которые намеренно вводят в заблуждение молодых людей на улицах. Они лгут, что эта поправка об экстрадиции позволит правительству Гонконга возвращать людей в материковый Китай на суд, если они будут критиковать Пекин здесь, в Гонконге. Это не имеет никакого отношения к законопроекту вообще! Но гонконгцы верят.

— Можете назвать этих людей, которые вводят в заблуждение?

— Нет, нет. Я не собираюсь их называть.

— Но вы знаете их.

— Конечно! Все в Гонконге знают. Но я не собираюсь их называть.

— Почему?

— Ну я не хочу выдвигать обвинения. И у меня все еще есть надежда, что мы сможем решить этот вопрос мирно и рационально, поэтому у меня нет намерения усугублять, знаете, раскол.

— Вы можете хотя бы предположить их цель?

— У них очень глубоко посеяно недоверие и неприязнь к материковому Китаю. Им не нравится «одна страна, две системы». Они хотят видеть независимую страну.

— А вы лично считаете, что «одна страна, две системы» лучше, чем независимость?

— Я не вижу другой альтернативы для гонконгцев. Я не вижу, что Гонконг может когда-нибудь стать независимым.

Старший советник
Ронни Тонг

Баррикады на трамвайных путях у автовокзала Адмиралтейства

← СТРАНИЦЫ 14–15

— Почему?

— Ну потому что Китай этого не допустит. Китай не позволит даже Тайваню стать независимым, не говоря уже о Гонконге. Они будут биться за Тайвань. Они, безусловно, будут биться и за Гонконг, который уже является частью Китая. И если нет «одной страны, двух систем», и если Пекин почувствует: все, достаточно, не хотим больше проблем с Гонконгом, — тогда просто станет «одна страна, одна система», Гонконг станет просто городом в Китае. И все эти свободы, которыми мы наслаждаемся сейчас, в этот момент, вероятно, исчезнут.

— Но то же самое случится через 20 лет.

— Наш Основной закон действует до 2047 года, но нигде не сказано, что то же положение вещей не может продолжаться и после, если оно будет успешным. А если все пойдет прахом, то, вероятно, не нужно ждать и 2047-го. Пекин может сказать «давайте сворачиваться» и в следующие пять или десять лет. Верно?

Поэтому это не вопрос — как долго. Речь идет о том, сможем ли мы убедить Пекин, что сохранение «одной страны, двух систем» не повлияет на правопорядок и стабильность самого Китая.

— Для меня это звучит как речь заложника.

— Если Гонконг останется стабильным, он продолжит быть финансовым центром, то «одна страна, две системы» все еще будут иметь некоторую пользу и выгоду для Китая.

— А для Гонконга?

— Но если Гонконг станет нестабильным, то больше не будет финансовым центром. Мы не сможем обеспечить стабильную и упорядоченную среду для международных инвестиций. Тогда мы потеряем нашу пользу для Китая. И у Китая будет одной причиной меньше поддерживать «две системы». Сейчас мы разрушаем себя. Разрушаем себя без видимой пользы или будущего.

«Одна страна, две системы» сохраняет наш образ жизни, сохраняет нашу ценность и нашу свободу. Вот почему мы так упорно боремся, чтобы сохранить этот принцип. Понимаете?

Мы делаем все возможное, чтобы попытаться достучаться до молодежи. Но говорят, что у протеста нет единого руководства. Есть разные ячейки из молодежи, разные компании, и у каждой есть лидер. Но они не объединены даже альянсом. И это чрезвычайно трудно — попытаться поговорить с каждым из этих маленьких лидеров, но мы пытаемся выйти с ними на связь.

Другая трудность, конечно, что, если станет известно, что кто-то из них разговаривает с правительством, они будут осуждены остальными. Поэтому все очень нервничает. Но мы понимаем, что некоторые из их лидеров обеспокоены тем, что их арестуют. Мы уже арестовали многих. И поэтому они тоже немного устали.

Говорит о Кэрри Лам.

— Очевидно, что она была назначена Пекином. Очевидно, Пекин имеет и будет иметь большое влияние на нее. Было бы глупо думать, что она полностью независима от Пекина. Сама система работает иначе.

Но я действительно уверен, что по внутренним вопросам Гонконга она все еще имеет голос, и Пекин ее очень уважает и будет слушать, что она говорит, что она хочет сделать.

— Что она за человек?

— Она мама. Она очень жесткий администратор. Она была госслужащей всю свою жизнь, поэтому она не очень хороший политик. Она очень эффективный и трудолю-

бивый чиновник, да? Поэтому неправильно полагать, что она политик. Она никогда не баллотировалась ни на какие выборы. Она чиновница, ожидать от нее надо соответственно.

Я считаю, что она лучший человек, чтобы справиться с этой ситуацией, потому что с нее все началось. Она же и должна положить этому конец. Кроме того, нет никого, кто, как я вижу, мог бы работать лучше, чем она. Если появится еще кандидат, это будет потому, что Пекин захочет другого администратора. И если это произойдет, то почти наверняка следующий глава будет более жестким. Куда жестче, чем Кэрри Лам, и это тоже нехорошо для Гонконга. Поэтому я считаю, что в интересах Гонконга Кэрри Лам должна остаться и, надеюсь, решить эту проблему.

Ей не все равно на людей. Она пытается снизить цены на недвижимость. Она хочет вернуть большую часть земли, находящейся в руках девелоперов, которые ее придерживают. Так что она делает, изо всех сил старается сделать что-то хорошее, чтобы облегчить жизнь обычным людям. Но она не самый приятный человек, да.

НОЧЬ

У станции Вонкок к протестующим вышла местная молодежь. Свистя, гудя и улюлюкая, распевая всю ту же песенку, удвоившаяся толпа пошла на полицию. Лиц уже никто не прятал. Дети смеялись. Полицейские развернулись. Шли быстрым шагом от толпы. Иногда их окриком останавливал офицер — и тогда они замирали, озираясь. Перебирали в руках короткие дубинки, клали друг другу руки на плечи. Их рубашки почернели от пота. Мордастый парень в насквозь мокрым форменном кителе дышал ртом и неверяще смотрел на улицы, которые вчера были его. Крики толпы становились громче, ближе. Полетел — навесом — первый камень, ни в кого не попав. Полицейские ждали своих же, пробиравшихся по соседним улицам. Стучали дубинками о щиты, чтоб быть страшнее. По команде зашагали быстрым шагом. «Гангстеры, гангстеры!» — неслось за ними. «Стоим! Идем! Заходим в отделение! Не разом! По одному!» — кричал офицер. Полиция — их было 50 человек, — пятясь и покрикивая зашла в участок. Они держали перед собой щиты и поднимали руки.

Над ними высунулся мужчина с ружьем.

«Ганг-сте-ры! Ганг-сте-ры!» Толпа остановилась на другой стороне дороги. Из участка, занимающего облюбованную многоэтажку, выползали снайперы.

Их обозначили лазерами — из темноты.

Мегафон говорил женским голосом: толпа представляет незаконное собрание, и возможна стрельба.

О том же предупреждал оранжевый плакат с балкона. Худенькая девушка с повязкой на волосах визжала в темное небо: «Заткнись, сука!»

Улица угрожающе гудела.

Мужчина в майке попытался сесть в такси, но таксист никуда не поехал.

Сумасшедший, махая оранжевой сумкой, подбежал к ограде полиции — его отогнали прикладами. Он рванул к журналистам. «Как мне умереть? Ну как мне умереть?»

Выстрелы раздались через двадцать минут. Стреляли мешочками с дробью — калечащим, но теоретически не смертельным оружием.

Из ружей шел дымок. Стрелки не двигались. Выстрелы гулко падали на другую сторону улицы, в исчезающую толпу.

Через 20 минут полиция выдвинулась в переулки. Переулки были полны местной гуляющей молодежи. Бойцам свистели в спину, обернешься — никого. Подъехали четыре автобуса, вывалились роботы в полной броне. По команде занимали переулок за переулком, но никого не поймали. Некого ловить. За ними раздавалась все та же песня.

Женщина в тонких очках стояла в окружении толпы. На картонке в ее руке было написано: «Дети, возвращайтесь домой». Толпа постепенно разогрелась.

Вокруг стояли журналисты. Камеры ждали.

Она говорила, что ее дочь пропала 20 дней назад. Ушла протестовать и исчезла.

Люди потребовали назвать имя дочери.

Она отказалась.

Толпа заулюлюкала.

— Китаянка!

— Китай — лучший путь в мире, — сказала женщина.

Толпа завывала.

— Ты китайская шлюха. У шлюх не бывает детей.

— Твоя дочь правильно сделала, что сбежала от тебя.

Ты омерзительна.

Немолодой усатый мужчина начал речь на английском. Орет, тыкает пальцем:

— Ты сука! Ты фашистка! Тяньаньмэнь! Ты знаешь Тяньаньмэнь?! Ты, твое правительство убили столько людей! Китайская подстилка!

Ему аплодировали.

— Я думаю, что ее похитили, — отвечала женщина. —

Я хочу знать, что она в безопасности.

Ее спина была очень прямой. Я стояла близко. В ее глазах стояли слезы.

Я протянула ей бутылку воды. Женщина рядом протянула платок — но мужчина, прыгнув, вырвал платок у нее из рук.

Толпа шагнула вперед.

Мне удалось вывести ее из круга. Толпа пошла за нами, но через несколько шагов поредела.

Но через два переулка ее снова прижали к стенке.

Она плакала и звонила кому-то по телефону.

Полиция выбежала из темноты, толпа рванула вдоль улицы. С женщиной остались только журналисты.

Она говорила, что ее дочь — домашняя девочка.

— Она не подходит для этих протестов, она не такая, чтоб сама ушла. Только бы вернуть ее домой. Я двадцать лет ее растила. Я ее сама растила. У нас разные политические взгляды. Но мне все равно. Она сначала отвечала по СМС только одним словом «в безопасности». В первый день, когда она ушла из дома, она даже ходила в школу. Я не обостряла, чтобы... Потом ее классный руководитель позвонил мне. Говорит: она заболела у вас? Не ходит, пропуск новый не взяла. Я думаю, что она имеет право на протест. Я поддержу, если ненасильственный. Я подаю заявление в полицию. Я и моя дочка! Политические идеи у нас разные, но это же не важно. Она не разговаривала про политику ни со мной, ни с учителями, мы не спорили даже. Я не хочу ничего, я хочу свою дочь назад. Мы поговорим, она расскажет мне, что делает и почему. Я поддержу.

Сколько люди говорили на улице про меня — знают они меня не знают, понимают они не понимают, — как заботиться о дочери. Моя дочь любит меня. Если мы вдруг даже ссоримся, она может поговорить с бабушкой. Чтобы только моя дочь пришла домой. Столько раненых. Вы же видите, что на улицах? Стреляли сегодня. Я хочу, чтоб она меня увидела по телевизору, чтоб поняла. И что если кто ее увидит, тоже сказал ей — про меня.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, — говорил мужчина. — Тут вокруг много мест, где ночуют протестующие, которые из дома ушли. Их и в церкви пускают, и на квартиры.

— Я не пойду домой, пока не найду ее. Можете показать мне эти места?

Круглолицая девушка, которая прежде кричала с толпой, слушала рядом, потом ушла. Вернувшись, объявила: подходила к полиции, просила помощи для женщины, они ее послали. Девушка плакала.

Затем села к стене. В руке оказался нож для резки бумаги. Она быстро полоснула себе вдоль руки, затем попыталась перерезать горло. Ее схватили за руки, прижали к стене. Из темноты бежали вездесущие медики.

— Отпустите, отпустите, — выла девушка.

Женщина, шатаясь, прошла мимо нее.

ШКОЛА

На следующий день старшеклассники устраивали цепочку вдоль школ. Немного скандировали, много смеялись. Такой протест происходит каждый день, но в этот раз акция охватила все школы города. Школы не препятствовали — с директрисой, однажды вызвавшей полицию (потом менты ухитрились выбить зуб ученику), перестали здороваться даже коллеги.

Колледж Когитио в районе Коулун окружен панельными небоскребами — со школьного двора видно только их. Это рабочий район, спальный — здесь живут водители автобусов, сотрудники фабрик, а также все, кому оказалось не по карману снимать даже трехметровую клетушку в центре. Рядом начальная школа — регулировщик в желтом останапливает движение, и стайки младшеклассников, чирикаая, перебегают к многоэтажкам.

В колледже заклеены бумажными полосками все стекла крест-накрест — две недели назад был тропический шторм. Здесь учатся 800 детей от 12 до 18 лет. Школа считается хорошей — дети добираются сюда даже «из самого» центра Гонконга.

Сегодня утром сто детей и взрослых, взявшись за руки, стояли вокруг школы. Мужчина напал на них с ножом. Нож для резки бумаги. Учительница, защищая детей, оказалась ранена.

— Ее зовут Тьендо То. Она у нас преподает историю — национальную и мировую. Она сейчас в больнице, ученики пошли к ней. Она очень хороший педагог! Ей наложили швы.

Замдиректора Элис Вонг работает в школе 20 лет. «Я тут всех знаю, все знают меня». Этим утром она, как и еще десять учителей, стояла снаружи.

— Дети стояли, скандировали — не особо политическое причем. «Взбодритесь, гонконгцы. Взбодрись, школа». Наши дети любят школу больше, чем Гонконг.

Коротко смеется.

— Кроме детей и выпускников, пришли еще незнакомые люди, группой. Они потом представились администрацией района. Я их никогда раньше не видела, а я знаю всех. Потом пришел этот мужчина, невысокий, средних лет, в майке. Он начал возмущаться, что слишком много шума, что он не может спать. Хотя как по мне, в этот раз не особо и громко. Эти незнакомые начали на него ругаться, конфликтовать, все раскричались. Мужик махал руками, дети испугались. Мисс То попыталась всех успокоить, встала между ними. Потом был звонок, мы в школу детей повели, мужчина ушел. А мисс То заметила, что ранена.

Нож распорол ее ладонь и перерезал несколько сухожилий.

Коллеги мисс То вызвали полицию. Полицейские опросили учеников и учителей, потом поехали в больницу к раненой — составлять заявление. Миссис Вонг и директор обходили классы, успокаивали детей. Элис сокрушается, что такое случилось в начале учебного года, когда в школе много новичков, «у них и так стресс, а тут такое еще».

Спрашиваю, позволит ли администрация школы протестовать школьникам в следующий раз.

Миссис Вонг снимает очки, надевает их снова. «Вы не могли бы повторить вопрос? Не уверена, что поняла вас». Повторяю.

— Они возвращаются в школу до звонка. Протест не мешает урокам. Учащиеся должны иметь свое мнение, я верю, что это нормально. Пока протест ненасильственный, мы полностью за выражение мнения. Они у нас и не спрашивают разрешения, вы странно спрашиваете. Об их акции я узнала дня за два, от выпускника причем.

Когда начались протесты, мы просили их только о двух вещах: заботиться о своей безопасности и уважать тех, чье мнение отличается от их. Вообще уважать людей, базово уважать.

— А ваше мнение?

— Вы же понимаете, что я не должна делать заявлений таких. Я работаю с детьми, это выше политики.

— Как школа обеспечит их безопасность?

— А как мы можем их защитить? У нас 10 педагогов стояли снаружи школы сегодня, и все равно. Как мы можем защитить молодых? Только собой.

В понедельник били окна в правительственных зданиях. Потом переключились на казармы китайской армии по соседству. Через забор летели «коктейли Молотова». Солдаты не ответили. Ответила полиция. Полицейские стреляли газом, жгучий дым укрыл всю площадь. Специальная машина поливала протестующих едкой синей жидкостью — чтоб потом задержать отмеченных.

Стайками, как воробы, летели камни, бились в стекла администрации и парламента. Стекла сопротивлялись, зато стеклянный лифт разгромили полностью.

Для брусчатки принесли в этот раз отбойные молотки. Бегали по переулкам.

Полиция спряталась в метро.

Протестующие пустили внутрь журналистов. Полицейские взбежали по эскалаторам и начали стрелять по прессе. Газовая граната разорвалась у меня под ногами. Я перестала видеть. Чужие руки схватили меня за плечи, мы бежали и бежали, потом маленький парень — «целитель», первый курс медицинского, умывал мое лицо.

У станции «Вонтайсинь» начались нападения гангстеров. Синие рубашки и майки, били бамбуковыми палками и арматурой. Это не знаменитая гонконгская триада 14К, это международная банда Фудзянь, выходцы из одноименной провинции. Переселенцы заняли район Вонтайсинь, крышуют подпольные бизнесы, прежде всего — прости-

тую. Теперь они решили защищать власть. Мужчины в синих майках нападали прежде всего на журналистов. Очевидцы говорят, что еще несколько часов назад они же с бамбуковыми палками в руках ждали протестующих, но полиция велела палки опустить, и гангстеры послушались.

Я приехала, когда разъяренная толпа била мужчин в синих майках. Полиция пыталась встать между, но не успевала. Одному бинтовали голову, другой лежал на земле, медики отчаянно махали руками, еще к одному приехала скорая — худой подбородок задран вверх, грудь едва поднимается. Ему прикрепляли пульсометр на палец и кислородную маску на лицо, подсовывали под спину пластиковые носилки. Женщина в сером платье плюнула в протестующего, ее окружили, но ближе всего оказались те, кто не хотел видеть ее избитой, они вывели ее из толпы. Местные жители забились в торговый центр, молчали. Остальные заведения спешно опустили решетки. Торговал только один парень, гонгконгская шаурма, к нему выстроилась голодная очередь.

Опознали того, кто первый напал на репортера. Потребовали извиниться, он отказался. На прямой вопрос, бил ли, ответил — «да, это я», кажется, даже признался, что гангстер. Все бы закончилось плохо, если бы из того же торгового центра не прибежал огромный дядька в майке. Он встал между ним и толпой, говорил в обе стороны. «Заткнись, мужик! Ну отдайте его полиции, зачем бить-то? Ребят, зачем бить-то? Голову опусти, молчи! Если он преступник, пусть судят, но не так же!» «Да вот она, полиция!» — отвечали молодые. — Смеешься, что ли? Они его сейчас заберут и отпустят!»

Так и случилось.

Появились первые задержанные. Через десять минут, устав отбивать у толпы людей, полицейские начали стрелять гранатами со слезоточивым газом, толпа рассеялась.

Через неделю начали стрелять боевыми. В районе Чхуньвань полицейский выстрелил студенту в грудь. Почти в упор, защищаясь — от бамбукового прута и пластикового шита. Пуля прошла в трех сантиметрах от сердца. Он остался жить.

Еще одно двухсоттысячное шествие.

Кэрри Лам съездила к Си Цзиньпину на выставку иностранных товаров в Шанхай. Си Цзиньпин выразил «высокую степень доверия центрального правительства к Лам и полное признание ее работе и ее команде». Председатель КНР отметил, что самая важная задача для Гонконга сейчас — прекращение насилия и хаоса.

В день их встречи Алекс Чоу, 22 года, студент-компьютерщик Университета науки и технологии, умирал в больнице. В районе Цынг Кван О протестующие, «заявляя высоту», кидали в полицию камни с многоуровневой парковки, полицейские отвечали газовыми гранатами. Когда газ рассеялся, Алекса увидели спасатели — он лежал внизу в луже крови. Подойти к нему смогли лишь через несколько минут — дышать было нечем. Студенты обвинили полицию в попытке убийства, полицейские объявили, что газа в воздухе было недостаточно, чтобы молодой человек, ослепнув, вышел в проем.

Через два дня парламентарий Юниус Хо, самый ненавидимый в Гонконге политик после Кэрри Лам (публично пожимал руки «своим героям» — гангстерам, бившим протестующих, активно поддерживал применение силы полицией), встречался с избирателями в округе Тхунмун на окраине Гонконга. Один из избирателей подарил Хо цветы, попросил сфотографироваться, а затем вытащил нож из сумки и ударил Юниуса в грудь.

Юниус выжил.

Сердце Алекса Чоу остановилось через два дня. Врачи не смогли его завести.

Студенты перекрыли сообщение между островами, из которых состоит Гонконг. Шоссе гавани Толо, Восточная железная дорога и Кросс-Харбор, проходящие мимо кампусов Китайского и Политехнического университетов, поперхнулись баррикадами и горели, кампусы превратились в крепости.

Мужчина в зеленой футболке Ли Чи-Чен, 57 лет, отец двух дочек, пошел за группой людей в масках, разгромивших станцию Маонсань. Он называл их погромщиками и кричал. Его облили бензином и подожгли.

Прохожий шел на работу — избит протестующими. Проезд Коттон Три

Полиция штурмовала Китайский университет дважды, но после переговоров с администрацией полицейские и протестующие отступили к Политеху.

В этот день погиб 70-летний дворник Ло Чунцин. В пригороде Шеунг Шуи стычка между протестующими и местными перешла в каменный дождь с обеих сторон. Голову Ло, проходящего мимо, раздробило. «Я надеюсь, то, что случилось с моим отцом, не станет началом еще больших мерзостей, но положит конец бедствиям города», — попросил его сын.

Этого не произошло.

Студенты и школьники — почти тысяча человек — укрылись внутри Политеха. Они забаррикадировали двери и окна. Полиция заблокировала здание университета снаружи и предъявила ультиматум — пообещав тем, кто прячется внутри, преследование за «массовые беспорядки» (10 лет лишения свободы). Затем полицейские объявили, что при необходимости откроют огонь. Двести человек вышли с поднятыми руками — их тут же скрутили. Из окон полетели камни и бутылки с зажигательной смесью. На следующий день собравшаяся снаружи толпа попыталась прорвать оцепление, но полиция устояла. Хорошо изучив тактику «магов воды и огня», полицейские обнаружили, что водометы в сочетании со слезоточивым газом и резиновыми пулями отлично нейтрализуют и зажигательные смеси, и толпу, и камни больше не летят — не видно, куда кидать. Потом полиция отчитается, что лишь за 20 ноября по студентам было выпущено 1458 гранат со слезоточивым газом, 1391 резиновая пуля, а также 265 биг-бэгов — мешочков с дробью.

Осада университета длилась 12 дней. Уже на третий день внутри закончилась еда, питьевая вода и медикаменты. Дети по мессенджерам писали прощальные письма родителям и друзьям, которые стояли снаружи, — у родителей просили прощения, что не оправдали их надежд, друзей просили не сдаваться. Медиков пропустили через оцепление только на четвертый день — внутри оказалось много раненых. Раненых разрешили вывезти на скорых. В ночь с 19-е на 20-е после долгих переговоров 200 школьников покинули кампус — их встретили у полицейского оцепления их школьные учителя и директора.

По ночам маленькими группами студенты пытались выбраться из осады канализационными люками и пожарными шахтами, лезли по веревке на мост над кампусом. «Убегая, мы понимали, что тем, кто в здании, придется еще тяжелее. Они добровольно оставались, чтобы мы могли спастись, прикрывали наш отход. Они настоящие бойцы, солдаты. Без них протесту будет тяжело. Мы плакали, выбравшись». Полиция встречала беглецов резиновыми пулями, упавших скручивали. Пойманных детей сортировали — тех, кто старше 18, отправляли в камеры, несовершеннолетних укрывали термоодеялами из фольги и предлагали помощь психолога. Термоодеяла и психологи были придумкой нового начальника гонконгской полиции — Криса Тана Пинг-Кеунга. Его назначила в прошлый вторник Кэрри Лам. У Тана есть опыт — подавление протестов 2014 года. Тан выступил перед гонконгцами: «Какими бы ни были ваши убеждения, не прославляйте и не терпите насилие. Мы можем положить конец беспорядкам только осуждением общества, осознанностью со стороны мятежников и нашей соответствующей тактикой».

Несовершеннолетних в осажденном кампусе оказалось большинство. Так, из официальных заявлений Гонконг понял, что 12 дней стрелял по детям. Шоком это, кажется, не стало — уже нет. Обсуждали другое: на воскресных муниципальных выборах — единственных прямых в Гонконге — оппозиция взяла исторически 85%.

Александр
ЭТКИНД —
Дмитрию
БЫКОВУ:

«НЕФТЬ — НЕ КРОВЬ ЗЕМЛИ. А ВОДКА»

Известный
культуролог —
о связях сырья,
политического
строения и секса

Книга Александра Эткинда «Природа зла. Сырье и государство» стала одним из главных хитов года, и это естественно — во-первых, потому, что каждый новый текст Эткинда оказывается в центре внимания и образует вокруг себя вихри. Это может быть книга о взаимном влиянии русских сект и литературы Серебряного века — эпохальный «Хлыст», а может

быть книга о формировании Российской империи «Внутренняя колонизация», а первая его слава была связана с историей русского (и советского) психоанализа, — но о чем бы он ни писал, это всегда попадание в нерв и повод для яростной полемики. «Природа зла» — книга о сырье, о сырьевой экономике и связанной с нею политике. Здесь предложена новая парадигма для разговора

о природе власти — не скажу, что это сравнимо с марксистским переворотом в науке, но, честное слово, где-то рядом. Особенно если учесть, что марксизм не объясняет постсоветскую эволюцию России. А Эткинд в условиях серьезного дефицита новых глобальных концепций — объясняет. В чем в чем, а в глобальных концепциях у него недостатка нет.

В ЛИЦО

Он приехал представлять книгу на выставку Non-fiction из Флоренции, где сейчас преподает, и был нарасхват, потому что разговаривает — как пишет: увлекательно и ясно.

— Мне показалось, что твои книги выстраиваются в четкую логическую цепь. Ты сам видишь внутренний сюжет, на который они нанизываются?

— Такое обычно становится ясно задним числом. В моем случае «заднее число» еще не наступило. Если у тебя есть идея, с удовольствием послушаю, но не факт, что соглашусь. В принципе же, в повороте от филологии, от анализа текстов, от языка и дискурса, даже от институтов к сырью нет ничего удивительного. Во-первых, приближается климатическая катастрофа, и это многое меняет. Во-вторых, я давно интересуюсь связью между эксплуатируемым сырьем и типом государства — например, между мехом и Москвой, коноплей и опричниной. Для меня этот «материальный поворот», как его уже называли, продолжение давно любимых мной идей Чаянова насчет моральной экономики.

— Мне кажется, твоя главная идея — неприязнь к природе и ко всему природному, отход от данностей. Отсюда и любовь к модерну, к Серебряному веку с его эстетизмом, культом искусства и искусственного, и нелюбовь к сырью, расширению территорий, эксплуатации недр...

— Зло, несомненно, коренится в природе, как и все вообще в ней коренится; но, как я пишу, она же его и ограничивает. И вообще, для меня все наоборот. Природное мне очень нравится, к природе у меня отношение скорее молитвенное. Любопытно, кстати, было бы проследить, кому в действительности принадлежит приписываемая Базарову фраза «Природа — не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Слишком красиво для Базарова; так мог бы сказать, например, Вольтер. Но я склонен думать, что природа — именно храм, и нечего ее разбирать по кусочкам. Сикстинская капелла. С одной стороны, какая капелла без человека? С другой — он должен ее созерцать, охранять, может быть, копировать, а не взрывать, не приукрашивать, не делать на ней деньги.

— Ты прямо Грета Тунберг от интеллигенции.

— Я для этого не гожусь: она настолько же лучше меня, насколько младше. Но, как и ей, мне не нравится, что природа стала окружающей средой — источником сырья, местом для отбросов, средством обогащения. Всякая любовь бескорыстна, и любовь к природе тоже. А богатым я никогда не был и вряд ли стану.

— Мне казалось, тебе должно нравиться Просвещение. С его преобразовательским пафосом.

— Да, мне очень нравится Просвещение, но ведь Просвещение началось с лиссабонского землетрясения. Об этом часто забывают, а между тем реальный старт Просвещения — 1755 год. Тогда и задумались, что если Бог попускает такое зло, он либо не добр, либо не всемогущ. Так и возникает идея моральной ответственности, морального потребления в том числе. Новым аналогом Просвещения сегодня должна стать идея самоограничения. Человечество уперлось в свои природные пределы. Если оно не начнет меньше потреблять и размножаться, уже в 2030 году его ждет климатическая катастрофа. Рацион должен стать рационален, в этом смысл нового Просвещения.

— Ты сам пишешь: описывать катастрофы приятно и увлекательно.

— Но описывать прелести воздержания и самоограничения трудно, и это занятие непопулярное. Экономический рост — рост производства, потребления и загрязнения — остается фетишем, универсальным показателем успеха. Люди не готовы понять, что им придется жить в мире без роста, по крайней мере без количественного.

— Твоя книга в основном посвящена нефти...

— Совсем нет. Нефть возникает в последней главе. Да, история человечества — если ее поставить с головы на ноги, что я и пытаюсь делать, — в огромной степени история сырья, а она ведет к нефти. И в этом ничего хорошего нет. Нефть доводит эксплуатацию природы до абсурда.

— Но, помилуй, как жить, если ее не качать?

— Добыча всегда прекращалась, когда ее минусы оказывались больше плюсов. Нефть — это как водка: сначала все классно, но минусы потребления довольно скоро перевешивают, хотя не все это замечают. Я пишу, что нефть никогда не кончится, потому что первым закончится воздух. Но, конечно, когда нефть перестанет быть топливом, ее продолжат использовать: сейчас десятую часть добываемой нефти перерабатывают в пластик и прочее, но можно ее и есть, как у тебя в «ЖД». Как сахар, опиум или водка, нефть — своего рода наркотик: это такое сырье, которое чем больше потребляешь, тем больше хочется. Тебе нужна новая машина, которая потребляет все больше нефти; к машине прилагается все более дорогая женщина, к женщине — все более дорогая одежда, все больший дом... Это известный парадокс Гиффена: чем дороже товар, тем выше спрос.

Тут верней всего аналогия с сахаром: сахар и все, что из него делается, — алкоголь в частности — порождает зависимость, аддиктивное потребление. В моей книге большая глава про сахар и соль, это ведь виды сырья. Водки и сладкого хочется все больше, роскоши — тоже. Напротив, соли съедаешь столько, сколько надо, больше ее все равно не потребишь, сколько ее ни рекламируй. Нефть формирует аддикцию, как сахар; и оба — источники зла. В Москве я зашел в Пушкинский музей, там на выставке Гейнсборо висит прекрасный портрет — это, может, самый красивый мужчина в мировом искусстве: Томас Хибберт, плантатор, жесточайший эксплуататор, сахарный олигарх. Вся Британская империя поднялась на сахарном тростнике... пока немецкие ботаники не выдумали такую сахарную свеклу, которая была немного сахаристее и бесконечно дешевле. Сахар для человека — источник зла: он формирует зависимость,

Беда не в нашей лени и глупости, господа, а в глупости и корысти правителей

переселение ведет к болезням, из него делают алкоголь... С нефтью та же история. Она продолжает бить фонтаном, но аддикция приводит к вырождению.

— Но что же, если не нефть? Что еще Россия может сейчас делать?

— А что делает Норвегия? Она тоже разрабатывает нефтяные скважины, но эти деньги не потребляет. Если бы Россия в эти двадцать лет дорогой нефти не тратила нефтяные деньги, мы имели бы сейчас другую страну. А теперь, чтобы слезть с иглы, понадобится новое смутное время. Но потом, я верю, все будет хорошо. Это одно-два поколения.

— Один-два века.

— Что ты, гораздо быстрее. Откуда такой пессимизм? Что, русские глупее или ленивее норвежцев? О лени у меня в книге есть отдельная глава, и никакой специальной породы лентяев не существует. Я из Питера, это Северная Европа, географически и климатически примерно как Копенгаген; уезжая в Скандинавию, русские вполне конкурентоспособны, мой кузен в Копенгагене — преуспевающий дизайнер. Да и во всем мире мы вполне успешны. Беда не в нашей лени и глупости, а в глупости и корысти правителей. Между нефтяной вышкой и вертикалью власти существует прямая связь — это одна из главных тем книги. Иное дело, что в Венесуэле или Иране на эту тему могли не рефлексировать, а в Кремле все прекрасно понимали. Так возникает паразитическое государство — раньше я не давал его строгого определения, но теперь в нескольких интервью его отточил. Паразитическим называется такое государство, которое обладает атрибутами государства, но не выполняет его функций.

— Атрибуты — прежде всего карательные?

— Почему, и декоративные тоже. Кремль, например, разве не атрибут власти?

— Ну, положим, специальной российской лени не существует, но существует специальный толстовский взгляд на труд — что в Европе его превозносят, а между тем он только отвлекает человека от заботы о душе. Ты ведь не считаешь труд проклятием?

— Природа труда двойственна, как всякая природа. Труд — это и долг, и благо. Безусловно, долг — потому что даже если один человек способен выжить на личном паразитизме, люди вокруг него будут страдать и гибнуть. Семья без труда немыслима, общество — тоже. И толстовская забота о душе — да, кто спорит, прекрасная вещь, но ведь он сам учил, что в условиях праздности она лицемерна. Думающий о душе паразит — что может быть фальшивее?

— Ты описал российскую внутреннюю политику как колонизацию, но ведь всякая колонизация заканчивается бунтом — почему его не видно?

— Я не верю в цикличность российской истории, про которую и ты много говоришь, и вообще это сейчас общее место, но русский бунт как раз цикличен, и сейчас для него самое время. Последним таким бунтом была перестройка, сейчас вертикаль снова идет вразнос. Сроки нам неизвестны, очевиден вектор. Сам процесс будет очень труден, тут никаких иллюзий у меня нет.

— В цепи твоих книг для меня самое загадочное звено — «Кривое горе», книга о культуре скорби. Почему вдрут?

— Ну, меня же интересуют многие вещи, я, так сказать, полиаморен... Если попытаться все выстроить в систему — я работал над этой книгой параллельно с темой колонизации. В России это дело было не хуже поставлено, чем в Европе, только здесь это была колонизация собственного населения. Это была масштабная дрессировка населения, чтобы не рыпалось. К чему это привело — это уже тема «Кривого горя»: массовое угнетение, массовые убийства и то, что происходит после этого с культурой.

— А мне не кажется, что главной целью была дрессировка. Мне теперь кажется, что весь СССР был стартовой ступенью ракеты, которая должна была выйти в стратосферу. Ракета вышла, а ступень отвалилась.

— А зачем вышла?

— Низачем, чтоб было. Для величия.

— Это взгляд русского космиста Федорова, например, или Володи Шарова, который космизмом так интересовался. А еще кому-то будет казаться, что главной целью освоения космоса была оборонка. А кому-то — что это чистая экспансия, которая в природе человека. А еще кто-то скажет, что просто отмывали бюджеты, чем дальше, тем больше. Мне с моей колокольни представляется, что вся космическая программа, от шарашек до космодромов, вела к той же цели — укрощению населения под разными красивыми прикрытиями. У меня на обложке «Природы зла» — картина Жана Гюбера «Вольтер, укрощающий лошадь». Там он ее укрощает — и теряет при этом ботинок, и сам чуть не падает. С Просвещением примерно это и вышло.

— Просто, понимаешь, альтернатива, по-моему... Либо десять процентов изобретают ракету, пусть в шарашках, а девяносто рабски трудятся на эту задачу, либо рабски трудятся все сто.

— Если мы не видели альтернативы, это не значит, что ее нет. Но мы ее видели. Никак не скажу, что твой или мой труд — рабский.

— Возвращаясь к теме твоих ранних работ: в России в двадцатые годы был несомненный интеллектуальный взрыв. И фрейдизм, и педагогические концепции, и экономика. Почему это выдохлось?

— Моя главная максима: во всем виновна власть. Это она взялась делать общее счастье, она же и провалилась. Государственная система, настроенная на укрощение, начала войну с культурой и победила. Интеллектуальный взлет двадцатых — фрейдистский, технический, даже и литературный — сомнению не подлежит. В том или ином масштабе он еще повторится.

— А секс — это эксплуатация сырья или труд?

— Ну какое же тут сырье?

— Физиология.

— Нет, сырье — это картошка, тростник, это всегда средство, а не цель. Секс — это труд, конечно. Долг и благо.

Дмитрий БЫКОВ, «Новая»

Год назад ее жизненный кораблик опять потерпел крушение, и его прибило к берегам тропического острова небольшого размера: 12 км в ширину и 25 км в длину. Неплохое место, чтобы сидеть на камушке, свесив ноги в море, и грустными глазами глядеть куда-то за горизонт, но надо было как-то кормиться. Что же в подобной ситуации будет делать журналист «Новой»? По утрам она варила туристам кофе на песке, вечерами мешала для них же коктейли с видом на морской закат. А в промежутках — для души: она забиралась в самые-самые джунгли и ловила сачком долгоносиков. Хороший был сачок — с телескопической ручкой.

Удача симпатизирует тем, кто пытается поймать. Взмахиваешь сачком раз, другой — пусто. Тысячу раз — пусто. Будто их вовсе и не существует на свете — долгоносиков, попадают лишь муравьи, пауки и тараканы. Отчаяние дышит рядом. Но ты взмахиваешь сачком еще раз, как флагом всех потерпевших в жизни крушение. И жук ловится! ...Направляясь так далеко, на опушку вселенной, он в общем-то имел намерения весьма и весьма невинные: читать книжку, наслаждаться тишиной, принимать солнечные и морские ванны, хорошо питаться и выспаться на год вперед. Кто же знал, что этот остров — идеальное место на земле, где одинокие крокодилы могут познакомиться на лоне дикой природы.

Кстати, с чего вдруг им взбрело в голову ласково называть друг друга Крокодил и Крокодилчик? Пусть это так и останется тайной. Какая история без интриги?

Она ему показалось немного чудной: ловит долгоносиков. Но он подумал, что он и сам, кстати, не менее странный: строит космические корабли из Лего. Как говорится, они нашли друг друга — эти двое любителей нарушать правила и ломать стереотипы — и они отважно построили свой замок прямо на песке.

— Швейцарец? Значит, должен любить кофе. Мой — самый дорогой на всем острове. Но и самый вкусный, я так думаю. Кроме того, за каждую чашку получаешь осла (извини, других печатей в местном сельпо не нашлось). Наберешь пять ослов — шестую чашку сварю бесплатно. В вашем мире это называется «карта лояльности».

Он только и делал что кивал на все, что она ему говорила. Медная джезва наполовину была закопана в раскаленный песок — такого он еще не видел.

— Какую чашку: маленькую, среднюю или большую? — спросила она. — Предупреждаю: кофе очень крепкий.

Конечно же, он выбрал большую. Выпил. Заказал еще. Всего выпил четыре. Больших. Подряд. Она всерьез беспокоилась о его сердце. И долго глядела ему вслед — но он шел без панамки под тропическим солнцем и ни разу не покачнулся, шел себе уверенно вперед.

А вечером в ее баре он тоже пил кофе — по-ирландски. И экзотических «Белых русских» на кокосовом молоке.

— Как у тебя дела в баре, — спросил ее босс.

— Все как обычно. Только один посетитель влюбился.

— Это прекрасно! Продавай ему коктейли.

Так он и провел свой отпуск на этом райском острове: утром кофе, вечером бар. Заработал кучу печатей с ослом, спустил космическую кучу местных туриков. И остался единственным туристом в островитянской истории, который так и не увидел знаменитый водопад.

В последний их вечер на острове, уже после заката, там было что-то такое в воздухе... что к ним прилетел несезонный светлячок (он тоже нарушил все правила). Они молча следили за его теплым летучим огоньком, пока он не сел на ветку и не погас.

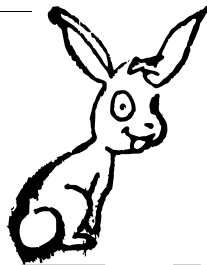
— Моя любовь — это светлячок. Она светит в темноте. Но не только темнота нужна ей, чтобы светить. Ей нужно лететь. Моя любовь — это просто незаметный жучок, сидящий где-то в ночи на ветке. Ее свет спрятан. Ее свет невидим. Но она все еще там.

— Красивая история, — сказал он.

— Грустная история, — сказала она.

— Грустная только если ты не начнешь летать снова. Этот новорожденный шанс еще ни в чем ни перед кем не виноват — как можно не дать ему волю?

И он дал: он увез с острова большой мешок песка. Подумал: «Кто знает, может, наши дорожки все-таки пересекутся снова, и тогда ей будет на чем сварить мне кофе». Она же была абсолютно уверена, что они больше никогда не увидятся (русские любят все драматизировать). А грустный швейцарский крокодил сидел в самолете. И бабочки летали в животе у крокодила.

Екатерина ГЛИКМАН,
Daniel THULER,
«Новые»

КОФЕ НА ПЕСКЕ

Этот мешок песка... так он нашел ключ к ее сердцу. Но узнал об этом не сразу. А пока работал, как обычно, главным редактором в газете (а вовсе не крокодилом в Цюрихском зоопарке, как вы могли подумать). И однажды ему в дверь позвонили...

За дверью стоял человек и широко улыбался. Одной рукой он придерживал велосипед, на котором приехал, вторую протягивал ему: в ней была медная джезва и что-то внутри.

На маленьком кусочке картона стояла знакомая ему печать с ослом и было написано: «Мой дорогой любитель кофе! Эта карта лояльности работает и в обратную сторону. Скоро увидимся. К»

Теория вероятности — всего лишь теория. А на практике: ни один из семнадцати (!) миллионов москвичей не заглянул к ней в бар. Но человек из маленького швейцарского города с населением в несколько десятков тысяч, с улицы Светофорной длиной ровно в шесть (!) домов (на ней и светофора-то ни одного нет, только один уличный фонарь) — зашел этот человек на огонек и сказал: «Знаю я вашего крокодила, я много лет жил в доме напротив от него». И немедленно стал почтальоном.

— Назови любое место на Земле — и я приеду, — сказал он ей.

— Тут у нас на севере есть горы, там серпантин: 1864 поворота и ни одного прямого участка, — ответила она.

Итак, три месяца спустя после того внесезонного полета светлячка, который осветил своим огоньком их последний (ха-ха-ха) вечер, у них произошло настоящее первое свидание. Он привез из Швейцарии в Тайланд 3 кг сыра, 2 кг картошки и две печки для приготовления раклет. Она — два энтомологических сачка, чтобы ловить жуков.

Он только и делал что кивал на все, что она ему говорила. Медная джезва наполовину была закопана в раскаленный песок — такого он еще не видел

Они оседлали маленький скутер и отправились петлять по горам. Их ждали приключения: они заехали на макушку самой высокой горы в Тайланде, у них отказали тормоза на спуске, они забрались в самые непроходимые джунгли, прокололи шину, встретили опасных животных и добродушных жителей гор, купались под водопадами, ночевали в курятнике, вообще не нашли ночлега, уснули на муравейнике, промокли до нитки и промочили все вещи...

«Боже мой, что я натворила! У него в гардеробе есть даже смокинг! Зачем я затащила этого крокодила-белоручку из страны первого мира в дикие джунгли? Он ведь сбежит сейчас и даже не оглянется!» — в смятении думала она (он ей уже сильно нравился, если не сказать больше). Но он сдал все экзамены на пятерки.

Он вообще оказался талантливым учеником. Ни при какой погоде они не забывали ловить жуков. Она сказала ему, что долгоносики не дураки, они сидят на тыльной стороне листьев. Все путешествие, когда не рулил, он провёл в полусогнутой позе, заглядывая под листья. Ему было чему у нее поучиться: до встречи с ним она уже успела открыть неизвестный науке новый род долгоносиков и три новых вида, которые назвала в честь хороших

людей: *Mecysmoderes (Enzoellus) muratovi*, *Mecysmoderes (Memecyderes) sarukhanovi* и *Glikmanellus rosti*.

В конце путешествия, оглядев совместный улов, он деловито сказал: «Надо пожениться. Пакуй все свои игрушки и приезжай». Это был отважный поступок: не каждый швейцарец рискнет пригласить к себе женщину из самых джунглей да еще в разгар сезона дождей, когда все ее платья пропахли грибным подвальным духом.

Она тоже не испугалась его смокинга и согласилась на иммиграцию. Благословения решила просить у своих жуков. Петя переживал: «Как-то поспешно все, ох, не обжечься бы тебе». Муратов, увидев его фото, сказал: «Глаза лукавые». «Это-то и интересно!» — воскликнула она. А Рост сначала накормил яичницей с салом, потом сел напротив, подпер голову рукой и велел: «Рассказывай в подробностях!» Особенно детально остановились на мешке с песком. Мешок Росту понравился. (Позже, когда он пригубит сваренный на том песке кофе, Рост скажет: «Я бы не женился», но что еще можно было сказать на следующий день после свадьбы?).

Тетенька в погонах на швейцарской границе строго спросила: «Как долго вы знакомы?», и когда услышала ответ, неодобрительно покачала головой. Затем подозрительный багаж из джунглей удостоился спецосмотра. Дяденька в погонах был до крайности разочарован и удивлен: он обнаружил плюшевого медведя, тайский уличный фонарь, деревянного Буратино, микроскоп (для того чтобы любоваться нежным пухом, который обычно растет у долгоносиков между лопатками) и ласты (чтобы плавать).

Первым делом, он отвез ее здесь ночью на кладбище. Довольно долго они бесцельно блуждали в сумерках между старинных надгробий, и чем темнее становилось, тем ей больше и больше казалось, что сомнения Пети были не напрасны, как вдруг... между деревьев заморгал первый летучий огонек, затем другой, третий, и местные светлячки преобразили кладбище в волшебный лес...

— И что он? — поинтересовался через некоторое время жук Муратов.

— Каждый день кормит меня мороженым! — честно ответила она.

— И этого оказалось достаточно? Какие же мы были дураки!

Когда эти двое счастливых крокодила подавали заявление в ЗАГС, у обоих вспотели ладошки. Эту черту ни один из них никогда еще в своей жизни не пересекал. Выйдя оттуда, залпом съели много (он три штуки, она две) мороженого, немного успокоились. И она подумала: «Какое же это счастье — если не с кем им поделиться?» И позвонила жукам: «Нас тут будут женить, а у меня — ни свидетеля нет, ни посаженных отца и матери...» Разговор был короткий. «Мы твои жуки, — сказал Муратов, — мы тебя не бросим. Записывай нас как родственников невесты».

И вот в назначенный день в небольшой швейцарский город на Рейне прилетели из России три жука и привезли с собой четвертого в подарок, в коробочке. По совпадению именно в этот день мэр города зажег на всех улицах и площадях рождественские огни, превратив и без того чудесное событие в настоящую сказку.

Тетенька в ЗАГСе говорила много красивых слов о мостах между двумя культурами. Наконец... «Она сказала «Да», нужно срочно проинформировать мир!» — радовался Муратов, нажимая и нажимая на своем телефоне кнопку «отправить». А Рост (это только казалось, что он дремал) громко повелел: «Ну целуй же его!»

У порога ЗАГСа их ждал настоящий поезд, который отвез всех на знаменитый Рейнский водопад. Там они пересели на кораблик, чтобы выпить на борту глинтвейну за счастье всех сразу и подойти вплотную к падающей воде. А перед рестораном — еще один сюрприз: трехметровый альпийский рог, на котором музыкант сыграл тоже что-то про счастье всех и везде.

«Чудо, чудо!» — повторял жук Муратов. И оказалось! Он имел в виду вовсе не паровоз. И не пароход. И не водопад. И даже не горн. А то, что в мире слишком много предательства, чтобы оставаться открытым ему, миру этому, после юности. И это, конечно, чудо — когда маленькая вера в человечество еще теплится в тебе после всего, через что ты прошел. И ты отпускаешь своего светлячка в ночной полет. Такие чудеса.

Тетенька в ЗАГСе говорила много красивых слов о мостах между двумя культурами

В конце путешествия, оглядев совместный улов, он деловито сказал: «Надо пожениться. Пакуй все свои игрушки и приезжай»

«Мой дорогой любитель кофе! Эта карта лояльности работает и в обратную сторону. Скоро увидимся. К»

И вот в назначенный день в небольшой швейцарский город на Рейне прилетели из России три жука и привезли с собой четвертого в подарок, в коробочке

Она ему показалась немного чудной: ловит долгоносиков

... он и сам, кстати, не менее странный: строит космические корабли из Лего

NUNC EST

(Гораций. «Оды»)

РЕЦЕПТЫ ДОРОГОЙ НАМ ЖИЗНИ

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

О водке говорят: мягкая, хорошо пьется, чистая. И пожалуй, это всё, если хотят охарактеризовать героя позитивно. Еще говорят, что ее много не бывает. Это бравлада. Хотя в молодом и зрелом возрасте не хватает часто. Запасы ее появляются в домах иногда, с годами, и это свидетельствует, что государственная пропаганда, вещающая о вражеском окружении и необходимости страшно, не жалея трат, вооружаться, приводит в действие спящий механизм рудиментарной памяти, которая выносит из глубин подсознания информацию о том, что во время войны наравне с мылом, солью и спичками водка становится жестоким дефицитом и бесценным предметом обмена на закуску.

На фронте в прошлую войну, по крайней мере в пехоте, она была еще и оружием, с начала боевых действий заменявшим — без успеха, впрочем — винтовки и патроны. А в тылу недостаток ее чувствовался постоянно.

Некоторый запас водки в доме необходим, и в случае если наши суперракеты, бомбы и подлодки, не дай господь, пригодятся не только на то, чтобы грамотно побеждать национальный бюджет и пугать собственное население, чтобы оно не очень-то хотело высунуть голову в форточку и поинтересоваться: как вы думаете — дальше будет еще лучше с вами или уже с такими же другими? Или вы вообще не думаете пока уже столько лет? Только взятко собираете с безгласных людей-цветов и кормите ненасытных маток.

Петухи войны громко кукарекают, но яйца не несут. Все эти герои-генералы отсутствие яиц компенсируют фуражками с высокими тульями, бесчисленными орденами за победы над здравым смыслом, а иные — и над собственными согражданами. (Кстати, в отечественной истории так было принято, что гвардейцы — молодцы портив чужих, а против своих бо-ольшие молодцы жандармы. То, что наша совершенно очаровательная власть завела внутри границ гвардию, свидетельствует, что она считает население страны враждебными чужаками. То есть может потоптать. Но без яиц, мы помним).

А крутые яйца, между прочим, прекрасная закуска, раз мы о водке, с балтийской килечкой, колечком лука (одним, чтоб оттенял, а не забивал вкус) на тонком ломтике ржаного, чуть подсушенного ржаного хлеба (а можно и не

тратить на это время в случае (свят-свят!) информации, что наши, а значит их, на подлете).

Закуски в этом случае много не надо. Чтобы не снижать эффект быстрогодействия от водки в критический для тебя и мира момент, поскольку, в соответствии с утверждением великого знатока процесса и материала, выдающегося кинорежиссера Отара Иоселиани, закуска, пропитанная продуктом, усваивается непозволительно долго. Возможно, в целях стратегического хранения электричество будет отключено, и холодильник работать не будет. Оно и к лучшему. Организму не надо тратить энергию и время на нагрев водки до температуры тела. Что тоже обеспечит немедленное ее всасывание. Кроме того, охлажденные в заморозке водки, как все счастливые семьи (прав был Лев Николаевич), похожи друг на друга, а напитки комнатной температуры и наших рецептов порадуют богатым и разнообразным букетом.

ВАЖНО:

- Наливать надо сразу после объявления заявления (если они успеют) о симметричном превентивном ракетно-ядерном ответе или во время чтения информации о том, что жума и Совет Федерации провели совместное с правительством совещание в секретном подземном бомбоубежище, расположенном между проспектом Вернадского и Мичуринским, за строительство которого бывший шеф КГБ Чебриков получил звание Героя Социалистического Труда. Верхушки власти гнет ветер, неся всякую ерунду о том, что они, «те, что в скале сидят», смогут, как тараканы, выжить в радиации столь бесконечно долго, что успеют истратить все, что надоили с нашей в вами чудесной и безответной страны. То есть вечно. И что супероружие их почему-то не уничтожит, а защитит.

Нам же некуда прятаться, кроме рая, который несколько самонадеянно, переоценив свои возможности и значимость, пообещал всем гарант. Насчет всего их помета (т.е. «единовременного приплода у животных», каковыми, как ни крути, мы являемся) я не уверен: чего

им идти в рай на худшие, чем теперь, условия содержания, к тому же они не исповедались, не повинились перед людьми за свои грехи. Еще спросят... Стремно, при их повальной трусоватости. А мы можем пока достойно провести время, не ожидая открытия врат. Если попадем, то будем в этот момент заняты хорошим делом. И уже после третьего стаканчика забрежжат перспективы вечной жизни, которую, выпив еще пару-тройку, мы осуществим с неизбежностью.

Если пронесет, то сколько бы вы ни выпили накануне приготовленной вами по нашим рецептам *вкусной* водки, вы утром, если захотите, пойдете на работу *без* головной боли и похмельного синдрома и с критическим отношением к поголовному вражескому окружению снаружи и внутри, а также к военной угрозе, к которой с болезненным упорством власть причащает через телескриньку** нас — покорных российских бунтарей. А знаете, презрите ее! Прикиньте, кто за последние 75 почти лет после войны с оружием в руках посягнул на нашу границу хоть раз. Хотя сами баловались не раз. Шалуны.

Бабушка Подрезова из пинежской деревни Смутово, что в Архангельской области, попивая чай и глядя в окно на то, как гонят коров, сказала:

— Вот мой телевизор! А тот я и не слушаю.
— Отчего, Ефимия Ивановна?
— Врë-ë-ët!

Теперь у нас, однако, Новый год, праздник мира, любви и водочных откровений, которые доставят нам радость. Не ленитесь!

Поскольку мы, несмотря на рекомендации готовиться к худшему, продолжаем самовольно радоваться жизни, я коротко опишу вам и сезонные формулы крепких, 38–40 градусов, настоек на водке, тем более что весна и лето у нас пока случаются регулярно.

Сразу замечу, что хотя допустимо использовать дженерики — разведенный в горячей воде спирт (для лучшего диффундирования — ах, ученость! С ней не спиться бы) или очищенный самогон, но лучше честную монополю.

*Не пора ли выпить (лат.)

** Ящик (укр.)

не пора ли выпить?

ЛЕТОМ

✓ **ВРЕМЯ ВИШНИ.** Ягоду покупайте без хвостов и некрупную, со среднерусским узнаваемым вкусом. Моем вишню, сушим и заполняем ею половину (минимум) емкости. Доливаем доверху водкой, кладем по чайной ложке (без верха) сахара на каждые пол-литра (хорошая вишня кисловата) и (важно!) берем на пол-литровую меру 5–6 косточек, разбиваем их молотком в тряпице, чтоб не разлетелись, и кладем в емкость. Немного синильной кислоты организму не повредит. Кстати, заспиртованная вишня упруга и хороша в пироги и в качестве аперитива или дижестива. (Ввернул-таки иностранные слова).

НА СМОРОДИНЕ тоже хорошо. Пропорция та же. И сахара столько же. Аромат и привкус ягоды сохраняется. Как и вишневка, дамам показана.

ЗИМОЙ. СЕЙЧАС

Я предлагаю вам испытанный, не только на себе, отбор напитков.

КЛЮКОВКА известна во многих домах. Она, несмотря на свой сладковатый вкус, легка на подъем рюмки и, напротив, показана и мужчинам. В замороженном виде ягода продается в магазинах и на рынках бывает. НО! Будьте внимательны — нужна не окультуренная, а дикая клюква. У нее тоньше кожица, она темного, почти бордового цвета, мельче и легко мнется.

Если хотите, чтобы было вкусно, на литр водки возьмите половину килограмма ягоды, разморозьте и растолките до кашицы, всыпьте туда четыре столовых ложки сахара. Перемешайте хорошенько и влейте в емкость (хоть бы в кастрюлю) один литр водки. Опять перемешайте и плотно закройте. Можно фольгой. Пусть стоит пару дней, набирается вкуса. Процедите через недорогой капроновый чулок, и сразу можно угощаться.

НОТА ВЕНЕ!

Все мы слабы. Как ни прекрасны на цвет и запах предлагаемые вниманию настойки, мы их будем, не дожидаясь полной зрелости, отпивать. Не кручиньтесь! Помаленьку можно доливать, некоторое время обманывая себя. В вашей воле слить первый завод и заполнить емкость купажом второй раз, создав копию. Настаивать должно дольше, и она даже будет радовать вкусом гостей, которые не пробовали оригинал.

И, НАКОНЕЦ!!!

Шпрыхсталмейстер в бабочке и цилиндре выходит к микрофону и голосом, не вызывающим сомнения в искренности, объявляет:

— *Впервые на арене! Мировая премьера! Небывалый, радостный для живой публики трюк! Наше, как говорится, know how!*

ВОДКА, НАСТОЯННАЯ НА СУХИХ БЕЛЫХ ГРИБАХ

Последним делюсь с тобой, дорогой читатель. Для себя хранил. Теперь за душой ничего. The rest is silence!***

Это изделие, доброжелательный читатель мой, неосцинило внесло посильный вклад в мировой продукт радости (авторская заявка оформлена в «Новой газете» 23 мая 2019 года). Водка более чем успешно прошла стендовые и ходовые испытания (которые длились годы) прежде всего на авторе, а затем — на группе добровольцев, часть из которых я называю с радостью:

академики Валентин Янин и Андрей Зализняк (они были первыми), кровельщик-энциклопедист Иван Духин, президент Михаил Горбачев, Юрий Шевчук, Андрей Битов, Юрий Норштейн, Отар Иоселиани, Юлий Ким, Римас Туминас, Дмитрий Муратов (заслуженный испытатель), Андрей Макаревич, Александр Ширвиндт, художники Борис Жутовский и Петр Саруханов, Андрей Казмин, Вадим Абдрашитов, Михаил Жванецкий, Сергей Юрский, Михаил Мишин, академик Александр Коновалов, настоятель храма Живоначальной Троицы в Хохлах протоиерей Алексей Уминский, доктор Алексей Свет, друг Собакин, академик Дмитрий Пушкирь, Сергей Адамович Ковалев, профессор Владимир Алекси-Месхишвили, Эдуард Кочергин, Георгий Франгулян, Борис Мессерер... Список прерываю по настоянию редактора из экономии газетной

• А теперь своего рода политбюро напитков, которые вы и вправду выбираете сами.
• **ПЕЧЕНАЯ(!) РЯБИНА.** В сентябре, октябре, а можно и в декабре, найдите в лесу или саду рябину! То, что она схвачена морозом, даже хорошо. Оберите ягоду, оставив на верхушках гроздьев птицам (тоже люди). Очистите от веточек. Положите в морозильник, если в ваших палестинах мороза еще не было. Достаньте через денек. Помойте. Высушите. Высыпьте в глубокий противень и отправьте в духовку. Печь желательна до появления сока, но не перебарщивать, чтобы ягода не сморщилась. Все до последней капли сока помещаете в избранную емкость, заполнив ее минимум на треть, а лучше больше — почти до половины, и заливаете водкой, добавив на каждые пол-литра чайную без верха ложку сахара. Теперь терпите месяц! Воздастся!

ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ:

ВЕСНОЙ

В мае короткий период, когда надо ехать за город в гости к друзьям, у которых растет черная смородина, и щадяще обрывать **ЯГОДНЫЕ ПОЧКИ** (а если вы гуманист — почки листьев) и наполнять ими хоть на четверть бутылку хорошим (не экономьте!) продуктом. Три-четыре дня настаивать и выпивать, пока жидкость из нежно-зеленой не начнет обретать коричневатый оттенок.

Бо-же-ствен-но!

ОСЕНЬЮ

ТЕРН. Его полно в сентябрьских садах. Напиток получается терпковатый, рубинового цвета и способствует выпиванию не залпом, а глотками. Эти водки, как и летние вишня со смородиной, набирают красоту к зиме. Не теропитесь.

площади. Далее следуют... Женщины не названы из природного чувства такта. Все здравствующие чувствуют себя лучше прежнего и с нетерпением ждут новых испытаний.

Итак. Хорошие сухие белые грибы насыпают ровным слоем, чтобы они покрыли дно емкости. Ею может быть любая банка с завинчивающейся крышкой. Хороший объем 1,5 литра, но можно и больше. На грибы бросаете 5–10 горошин черного перца и 2–3 гвоздики. Заливаете водкой. Закрываете крышкой.

И всё-ё!

Готово будет через 4–5 дней. Но стоять может хоть год (ценю вашу ироническую улыбку. Но говорю о теоретической возможности).

В чем секрет. Кроме вкуса (словно ты выпил и закусил грибочком, не нарушая — по Иоселиани — экологию желудка продуктами питания), «грибной сок» сохраняет крепость 40 градусов, хотя пьется легко и, главное, начисто лишен сивушных и других вредных примесей, вызывающих наутро желание немедленно начать новую жизнь.

Гриб — мощный абсорбент. Он собирает в себя всякую гадость (как политические программы на телевидении). Вспомните запреты даже в удаленных от Чернобыля районах ломать грибы, поскольку они впитывали радиацию. Отработанные белые надо выбросить, а прекрасную настойку слабо коричневого цвета употребить в радость.

А propos. Позвонил испытатель Собакин, просветленный рекомендованным продуктом, и прямо с утра внес мне законопроект, по которому всех депутатов обеих палат и телекомментаторов подложит кормить сухими белыми грибами, чтобы они абсорбировали переполняющую фигурантов политическую сивуху и не отравляли атмосферу страны пропагандистским перегаром.

Я налил, выпил и сказал: одобряю!

С Новым годом, без сивухи!

*** Дальше тишина (англ.) Шекспир. «Гамлет»

«Новая газета» при содействии
«Артдокфеста»

«Зима, уходи!»

Восьмой смотр
актуального документального кино
с 3 по 12 января на www.novayagazeta.ru

3 января

Фильм открытия —

«НОВАЯ» Аскольда Курова

Это не парадный портрет. Один год жизни
независимого издания, из нашей жизни.
На Берлинском фестивале правозащитно-
го кино фильм получил главный приз.

4 января

«АКЦИЯ» Алексея Сухова

Грандиозная одиссея поезда, идущего по
нашей необъятной Родине с остановками в 66
городах, везущего на своей платформе военные
трофеи из Сирии.

5 января

«ЗАГАДКА ЧЕРНОЙ
КНИГИ»

Бориса Мафцира

Почему в СССР тема хо-
лодства была под негласным
запретом? Почему запретили
«Черную книгу» — детище
Эренбурга, сборник свиде-
тельств и статей об убийстве
двух миллионов семисот тысяч
евреев во время нацистской
оккупации в СССР? Мощное
киновысказывание Бориса
Мафцира о том, как это было.

6 января

«ВЕРТОЛЕТЫ» Дмитрия Кубасова

Сначала было небо.
Первое в истории России круго-
светное путешествие на вертолетах.
Совершают его русские бизнесмены
на собственных вертолетах.

7 января

«В ПОИСКАХ ВАЛЕНТИНЫ
АБРАМОВОЙ»

Валерия Отставных

В одной из квартир одного обыч-
ного дома обнаруживают мумию,
которая пролежала здесь 13 лет.
Авторы фильма начинают беспреце-
дентное расследование, пытаются вы-
яснить, как, почему это произошло?
И почему эта удивительная история
касается каждого из нас.

8 января

«ЭФФЕКТ БОРОВСКА»

Бориса Минаева

Что случилось с Боровском? Один
русский город с богатейшей историей
как слепок нынешней российской мент-
альности, для которой память, исто-
рия — понятия вредные и опасные.
Зачем нам помнить страдания предков?
Не будем разжигать страсти! Давайте
лучше праздновать!

9 января

«РОССИЯ ПО-ЕКАТЕРИНИНСКИ»

Филиппа Мак Гау

Редкий жанр в документальном кино.
Любовный роман с поправкой на местность.
Почти книжная любовная история между
парижанином и россиянкой разворачива-
ется за Уралом, в Нижнем Тагиле, городе
со своеобразным прошлым и настоящим.
Поэтические зарисовки страсти, разные
мировосприятия складываются в странный,
с привкусом абсурда, но берущий за душу
портрет России.

В дни каникул предлагаем посмотреть
отобранные из большого списка
фильмы, которые не покажут по
телевизору. Документальный пейзаж
нашей действительности получился
нетривиальным. В нем сплавлены
прошлое и настоящее, поэзия и проза,
абсурд и обыденность. Но главное —
в нем дыхание и пульс большой страны,
запечатленной камерами талантливых
режиссеров.

10 января

«КАЛЯЕВСКАЯ, 5» Марии Сорокиной

Задумывались ли вы когда-нибудь о людях, живших до вас
в вашей квартире? Многие из жителей знаменитого первого
кооперативного дома в Москве были расстреляны во время
Большого террора. Семья Дмитрия Белановского переехала
туда в 1939 году, как выяснилось, в квартиру репрессирован-
ных НКВД. Кем были эти люди?
На поиски ответа на этот вопрос ушло 20 лет.

11 января

«ИСКУССТВЕННОЕ ДЫХАНИЕ»
Галины Леонтьевой

Сегодня самые острые споры раз-
ворачиваются вокруг нашей медици-
ны. И значит, имеют прямое отно-
шение к нашей жизни. Легко ли быть
врачом в глубинке России? Будни
врача-реаниматолога санитарной
авиации Сергея Дьякова — красная
линия между жизнью и смертью.

12 января

«О КИРЕ УКРАДКОЙ»
Ирины Васильевой

Проникнуть в одесский дом Киры
Муратовой, который для нее
придумал ее любимый Евгений
Голубенко? Задача космической
сложности. Тем более если хозяин
дома художник Евгений Голубенко
не терпит камер, журналистов,
кинематографистов. Храбрым
авторам фильма приходится
превратиться в двух незаметных
блох, чтобы приблизиться к НЛО по
имени Кира Муратова.

ФОРМАТ ФЕСТИВАЛЯ:
ОДИН ДЕНЬ — ОДИН ФИЛЬМ

Каждая картина будет доступна
только в свой день с 00.00 до 23.59.

У вас есть возможность не просто
посмотреть, но и обсудить картины
вместе с авторами в комментариях
к странице с докфестом.

Следующий номер выйдет 10 января 2020 г.

www.novayagazeta.ru

Редакторы номера: А. Жаворонкова,
Д. Муратов, Н. Прусенкова, Г. Розинский

НОВАЯ
ГАЗЕТА

Наш адрес в интернете:
NovayaGazeta.Ru

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)
Сергей КОЖЕУРОВ (директор)

Редакционная коллегия:
Роман АНИН (отдел расследований),
Ольга БОБРОВА (зам главного редактора),
Руслан ДУБОВ (ответственный секретарь),
Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора),
Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора),
Лариса МАЛЮКОВА (обозреватель),
Кирилл МАРТЫНОВ (зам главного редактора),
Юлия МИНЕЕВА (редактор службы новостей),
Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор
WEB-редакции),
Алексей ПОЛУХИН (зам главного редактора),
Надежда ПРУСЕНКОВА (пресс-служба),
Георгий РОЗИНСКИЙ (зам главного редактора),
Юрий РОСТ (обозреватель),
Петр САРУХАНОВ (главный художник),
Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора),
Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры),
Виталий ЯРОШЕВСКИЙ (зам главного редактора)

Обозреватели и специальные корреспонденты:
Илья АЗАР, Юрий БАТУРИН,
Борис БРОНШТЕЙН, Дмитрий БЫКОВ,
Борис ВИШНЕВСКИЙ, Александр ГЕНИС,
Ирина ГОРДИЕНКО, Павел ГУТИОНОВ, Александра
ДЖОРДЖЕВИЧ, Елена ДЯКОВА, Вячеслав
ИЗМАЙЛОВ, Павел КАНЫГИН, Денис КОРОТКОВ,
Елена КОСТЮЧЕНКО, Алиса КУСТИКОВА,
Юлия ЛАТЫНИНА, Елена МАСЮК,
Елена МИЛАШИНА, Владимир МОЗГОВОЙ,
Галина МУРСАЛИЕВА, Ирек МУРТАЗИН,
Леонид НИКИТИНСКИЙ, Ирина ПЕТРОВСКАЯ,
Алексей ПОЛИКОВСКИЙ, Вячеслав ПОЛОВИНКО,
Юлия ПОЛУХИНА, Елена РАЧЕВА, Ким СМЕРНОВ,
Андрей СУХОТИН, Алексей ТАРАСОВ,
Слава ТАРОШИНА, Марина ТОКАРЕВА,
Ирина ТУМАКОВА, Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР, Арнольд
ХАЧАТУРОВ, Олег ХЛЕБНИКОВ, Вера ЧЕЛИЩЕВА,
Наталья ЧЕРНОВА, Ян ШЕНКМАН, Роман ШЛЕЙНОВ

Отдел мультимедиа «Новая студия»:
Анна АРТЕМЬЕВА,
Влад ДОКШИН,
Виктория ОДИССОНОВА

Собственные корреспонденты:
Надежда АНДРЕЕВА (Саратов),
Татьяна БРИЦКАЯ (Мурманск),
Мария ЕПИФАНОВА (страны Балтии
и Северной Европы), Иван ЖИЛИН (Урал),
Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург),
Александр МИНЕЕВ (Брюссель),
Ольга МУСАФИРОВА (Киев),
Александр ПАНОВ (Вашингтон),
Нина ПЕТЛЯНОВА (Санкт-Петербург),
Юрий САФРОНОВ (Париж),
Ирина ХАЛИП (Минск),

Группа выпуска:
Анна ЖАВОРОНКОВА, Алексей КОМАРОВ,
Татьяна ПЛОТНИКОВА (бильд-редакторы),
Диана ГРИГОРЬЕВА, Оксана МИСИРОВА,
Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО
(технические редакторы)

WEB-редакция:
Екатерина БАТАЛОВА,
Антон ВШИВЦЕВ, Мария ЕФИМОВА,
Юлия МИНЕЕВА (заместитель шеф-редактора),
Роман КОРОЛЕВ, Глеб ЛИМАНСКИЙ,
Александра НОВИКОВА, Анастасия ТОРОП

ИЗДАТЕЛЬ

ЗАО «Издательский дом «Новая газета».

ДИРЕКЦИЯ

Алексей ПОЛУХИН (генеральный директор
ЗАО «ИД «Новая газета»),
Владимир ГРИБКОВ (заместитель генерального
директора),
Владимир ВАНЯЙКИН (управление делами),
Ирина ДРАНКОВА, Елена СЕДОВА (бухгалтерия),
Наталья ЗЫКОВА (персонал),
Анжелика ПОЛЯКОВА (реклама),
Ярослав КОЖЕУРОВ (юридическая служба),
Валерий ШИРЯЕВ (заместитель директора)

Пресс-служба: Надежда ПРУСЕНКОВА

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ
ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: ООО «МЕДИА.С-ПБ»
СПб., 11-я линия, 66

Главный редактор: Д. Л. КАЧАЛОВА

Адрес редакции и издателя: 199048, Санкт-Петербург,
11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

ПР633

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по
надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130
от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — 222 250 экз.

Тираж сертифицирован
NovayaGazeta.Ru — 18 000 000 просмотров
за ноябрь 2019 г.
Тираж одного номера
в СПб — 3210 экз.

Заказ № 28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благodatная ул., 63.
Цена свободная. Срок подписания в печать по графику: 19.30, 24.12.2019.
Номер подписки: 19-30, 24.12.2019. Время подписания номера в печать в
СПб: 23.00, 24.12.2019. Уважаемые читатели! Просим всю корреспонденцию
присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66,
ООО «Медиа.С-Пб».

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.
Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая
газета». Редакция: АНО «Редакционно-издательский дом
«Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета»,
АНО «РИД «Новая газета», 2019 г.

Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается
только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание реклам-
ных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные
в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление писем
в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в га-
зете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме,
если в письме не указано иное.